

*«Все, что ты услышишь
обо мне, будет
неправда».*

П
В А В И Л О Н А

Д

Е

И

И

Е

Инесса Давыдова

Инесса Давыдова
Падение Вавилона

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Давыдова И. Р.

Падение Вавилона / И. Р. Давыдова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05002-0

Аналитической группе полковника Вахрушева поручено разобраться, как на теневой аукцион попал лот под названием «Аркан» — разработка советский ученых в области космической безопасности. В процессе расследования Вахрушев сталкивается с таинственной преступной группой, деятельность которой в свое время не удалось пресечь ни прокуратуре, ни КГБ. Вахрушев обращается за помощью к бывшему шефу, расследовавшему ряд инцидентов, где фигурировала данная группировка, не подозревая, каким образом генерал-полковник в отставке и его сын связаны с одним из участников криминального синдиката.

ISBN 978-5-532-05002-0

© Давыдова И. Р., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	41

*Этот роман я посвящаю своему отцу
Давыдову Рафаилу Тагировичу.
Человеку, рожденному в день космонавтики и
отдавшему Космосу всю свою жизнь.*

Все события и персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

*Космос – это все, что есть,
что когда-либо было
и когда-нибудь будет.*
Карл Саган

Пролог

5 июня 2015 г.

Турция. Южный берег озера Ван

Новость о том, что его многолетние скитания приближаются к концу, одновременно вызывала облегчение, возбуждение и тревогу. Он, давно потерявший надежду на обычную размеренную жизнь, пребывал в тягостных раздумьях. Какая участь ждет его на Родине? Сможет ли он после всех мытарств осесть и наконец-то пустить корни, если в силу привычки не может усидеть на одном месте больше месяца?

Усталый взгляд скользил по лунной дорожке на водной глади, тянувшейся неровным очертанием от горизонта до самого берега. Вдалеке послышался ленивый собачий лай. Качающийся на ветру ажурный светильник отбрасывал на потолке и стенах айвана причудливые танцующие тени. Кальян издавал булькающие звуки, заглушая пение цикад.

Гость полулежал на топчане в окружении пестрых парчовых подушек. Длинные пальцы изящно удерживали мундштук у рта, словно он готовился не выдохнуть ароматный дым, а извлечь из него приятную на слух мелодию. Его лицо заволокло клубящейся дымовой завесой.

– Старики в моем селении говорили: *все имеет свой закат, и только ночь заканчивается рассветом*. К ночи у меня особое отношение: люблю ее горячо и страстно. Меня всегда манила и опьяняла магия темноты. Только под ее покровом я чувствую себя защищенным. Когда небо заволакивает черной завесой, я погружаюсь в другое измерение. Жизнь напоминает сон. Вы не задумывались, почему основная часть преступлений совершается ночью?

Он повернулся и вопросительно взглянул на хозяина дома, но тот даже не думал отвечать.

– Ночь придает смелости, окутывает ложной дымкой несокрушимости и безнаказанности. Под покровом ночи мы можем решиться на то, что при свете дня казалось жестоким и безрассудным.

В шатер зашли двое телохранителей и устроились рядом на топчане. Их приход означал, что транспорт в пути.

– Я чувствую, как после полуночи все тайны оголяются, передо мной предстает истина. Ночь срывает маски моих врагов и тех, кто рядится в шкуры друзей, а на деле – просто хотят отжать у меня добычу.

Из груди вырвался тяжелый вздох. Он прикрыл глаза, наслаждаясь последними минутами тишины. Состояние покоя в его жизни большая редкость, поэтому так ценны эти моменты.

– Бывают события, которые меняют твою сущность раз и навсегда, после них ты уже никогда не будешь прежним. Это не приобретение нового опыта, это трансформация тебя в кого-то другого. В моей жизни все изменила одна ночь. Помню ее так же ясно, как будто это случилось только что, хотя прошло уже тридцать лет.

Он затаился полной грудью и выпустил струю клубящегося дыма. Время поджимало, но никто из присутствующих не посмел нарушить его монолог.

– Это впечаталось в мою память, – он ткнул в висок, – как фрески в мечети Айя-София. Пусть не на века, но точно до последнего моего вдоха. Даже когда я буду умирать, первым делом в памяти всплывет та ночь и все ее мельчайшие подробности. Если бы мне дали прожить жизнь заново, я однозначно сказал бы «нет». Будь у меня сын, первым делом научил бы его отказывать, даже самым близким людям. Вся эта тема о долге – пустая болтовня. Лучше прямо и доходчиво объяснить свой отказ, чем потом мучиться и проклинать попросившего об одолжении.

Нарастал звук подлетающего вертолета. Телохранители похватили сумки со снаряжением и рюкзаки. Один из них спросил его, готов ли он к последствиям.

– Выбора нет, – с неохотой он встал и лениво потянулся. – Кто-то залез в мое логово и наотмашь бьет палкой. Либо дергай за палку, либо прячься в другой норе. Я устал прятаться. Пора взглянуть врагу в лицо.

Он скинул с себя шелковые халат и штаны, быстро надел джинсы, футболку, зашнуровал кроссовки и перевесил через плечо спортивную сумку. Поблагодарил хозяина дома за гостеприимство, пожелал ему здоровья и в сопровождении телохранителей двинулся к вертолету.

Глава первая

9 июня 2015 г.

Россия, г. Москва

В Колонный зал Дома Союзов Олег Васильевич Вахрушев вошел под руку с новоиспеченной женой. В торжественной атмосфере среди разряженной публики полковник чувствовал себя скованно. Вышагивая по ковровой дорожке в новеньком смокинге, он сравнивал себя с пингвином на выгуле. К тому же там, где должно быть свободно, сжимало, как тиски. Всему виной были внезапно свалившиеся на него предсвадебные хлопоты. Дважды Лариса ждала его в ателье для примерки, но оба раза Вахрушева подводил транспортный коллапс.

Усаживаясь в обитое красным бархатом кресло, он жалел, что не может прикрыться насыщенным графиком – полковник был в двухнедельном отпуске по случаю бракосочетания – и сбежать с ненавистного мероприятия. Он мысленно перебирал возможные поводы для побега, но не найдя подходящего, вынужденно смирился и с недовольством поглядывал на супругу. Сейчас он мог бы лежать на любимом диване, попивать «Курвуазье», оставшийся со свадьбы, читать потихоньку «Портного из Панамы», купленного еще до знакомства с Ларисой, или даже опробовать подаренный тестем гриль.

– Пока не начался концерт, я введу тебя в курс театрального этикета, – Лариса погладила руку мужа, чувствуя его нарастающее напряжение. – Когда выйдет исполнитель нужно поприветствовать его аплодисментами.

– Зачем? – Саркастически начал было Вахрушев, но вынужден был прерваться, пропуская пожилую пару. Плюхнувшись обратно в кресло, он продолжил: – Мне кажется, что более разумно похлопать в конце, а не в начале. Он еще ничего не сыграл, а мы ему уже аплодируем. Не вижу логики.

– Так мы желаем ему удачного выступления, – тон супруги стал жестче, и Вахрушев понял, что лучше ее не дразнить.

Далее Лариса коротко, но весьма доходчиво разъяснила мужу тонкости театрального этикета и под конец осведомилась, не забыл ли он отключить мобильный телефон. Он напомнил, что отключил его еще на парковке, но жена все равно заставила его проверить.

Прозвучал третий звонок. Публика расселась по местам. Все замерли в ожидании. На сцену вышел Дмитрий Коган и поклонился публике. Зал зашелся приветственными аплодисментами. Под бдительным взглядом супруги Вахрушев нехотя присоединился к большинству. В этот момент кто-то сжал его плечо. Он обернулся и увидел заместителя.

– Ромка! – еще никогда он так не радовался их встрече.

Пахотин поздоровался с женой шефа и вполголоса пояснил:

– Я за тобой. Срочно вызывает Масличенко, – кивком он указал на выход.

Еще не видя лица супруги, Вахрушев затылком ощутил надвигающийся шторм. От его ухода Лариса будет не в восторге, и это мягко сказано.

– Только попробуй меня бросить, – угрожающе прошипела она и красноречиво погладила округлившийся живот.

– Мне приказано явиться в управление, но ты оставайся, я пришлю за тобой служебную машину.

Полковник извинился, поцеловал оцепеневшую от гнева жену и поспешил за заместителем, надеясь, что Лариса не помчится за ним вдогонку. Такое уже случалось, и воспоминание об этом было не из приятных.

* * *

Экстренное совещание глав департаментов военной разведки подходило к концу. Выработав общее направление в расследовании, генералы покидали зал заседаний. На выходе их встречали с короткими докладами ассистенты. Вахрушев стоял поодаль и наблюдал, как тут и там спонтанно образовывались группки, похожие на островки. Сквозь гул голосов он отчетливо услышал свое имя. Генерал-майор Масличенко жестом пригласил его пройти в конференц-зал.

С шефом Олег Васильевич дружил более десяти лет, но в стенах родного управления всегда придерживался сугубо рабочих отношений.

– Времени мало, излагаю суть, а подробности расскажут представители космической и радиотехнической разведок.

Генерал оправил лацканы форменного мундира и оценил непривычно торжественный вид полковника.

– Три часа назад наши технари взломали сайт теневого аукциона, на который инсайдеры выкладывают программы, применяемые в разных отраслях промышленности, и наткнулись на новый лот «Аркан». При беглом просмотре чертежей было установлено, что это программа – наша разработка еще советских времен. Законсервирована в 1991 году. Те, кто ее курировал, либо мертвы, либо на пенсии. Скучность архивных данных не позволяет в полном масштабе оценить ситуацию. Исследования проводились на территории Киргизии, а испытания в Казахстане. После распада Союза связь с конструкторским бюро полностью утеряна. Ты уже имел дело с научной средой, знаешь, как к ним подступиться, поэтому было принято решение: для сбора информации подключить твою аналитическую группу. Операции присвоено кодовое имя «Аркан».

В конференц-зал заглянул ассистент генерала.

– Иван Алексеевич, вас вызывают в генштаб.

Генерал поднялся и двинулся к выходу, кивком пригласив Вахрушева следовать за ним.

– Через подставное лицо мы ведем переговоры с инсайдером, но бес его знает, на что тот способен. Наша задача – не допустить продажи программы, установить личность инсайдера и изъять все носители.

Перед дверью Масличенко остановился.

– В операции задействованы три группы. Группа Касатонова будет работать на территории инсайдера, его местоположение пока не установлено, но, по предварительной оценке, он в Северной Америке. Остальные займутся конструкторским бюро. Необходимо установить на какой стадии разработки была законсервирована программа. Есть ли риск для обороны страны? Допросите всех разработчиков. В первую очередь пусть подтвердят подлинность «Аркана». Разделите полномочия. Ты займись оперативно-розыскными мероприятиями, а на группу Шапошникова скинем просчет рисков в случае провала группы Касатонова и поиск решения. Докладывать лично мне.

– Слушаюсь, – полковник вытянулся.

Генерал вышел в коридор, Вахрушев последовал за ним, внимательно слушая начальника.

– Для этих целей мы развернули оперативный штаб. Мои ассистенты скинут тебе адрес. На время операции вводится казарменный режим. Связь со штабом только по специально выделенной линии. Да, и.. – генерал остановился у лестницы. – Олег, прими мои поздравления.

Шеф намекал на поспешную регистрацию брака. Полковник не хотел вдаваться в подробности семейной ситуации и просто кивнул.

– Понимаю, вы с Ларисой рассчитывали на медовый месяц, но, как говорится, долг и достоинство – прежде всего. Будем на связи.

Вахрушев смотрел, как генерал бодро преодолевает лестничные пролеты, и думал о том, как бы помягче изложить новости жене.

* * *

Служебный джип миновал парк «Крылатские холмы» и остановился перед уединенным одноэтажным бетонным зданием с узкими окнами, похожими на фигуры из «Тетриса». У КПП полковника встретил Пахотин и представил главе службы безопасности штаба. Прежде чем пройти на объект Вахрушев подвергся тщательному досмотру: у него изъяли мобильник и часы, закрыли их в сейф. Дорожную сумку чуть ли не вывернули наизнанку, а самого провели через металлодетектор. В отражении стеклянной перегородки он увидел на мониторе объемную картинку своей просканированной фигуры.

Полковника сопроводили в оперативный штаб, где маячили незнакомые лица. Заместитель представил их как участников второй группы и технических экспертов из космической разведки, которые должны внести ясность в нюансы выставленной на продажу программы. Вахрушев поздоровался с вошедшим следом за ним Владимиром Шапошниковым – руководителем второй группы – и придиричивым взглядом оглядел свою команду. На приветствие группа отозвалась вялым и недовольным «здрате», что его совсем не удивило. Уходя в отпуск, он распустил группу, оставив дежурным заместителя.

– А где Ильин? – спросил он у зама.

– Его самолет приземлится в Шарик через два часа.

– Семеро одного не ждут. Начнем.

Коротко введя аналитиков в курс дела, полковник освободил место для экспертов. Первым поднялся высокий брюнет с кустистыми бровями и приплюснутым носом – инженер из управления космической разведки в звании подполковника.

– Шохин Борис Константинович, – деловито представился он. – Мне поручено рассказать вам о программе «Аркан».

Шохин опустил экран и включил проектор. Его помощник выключил свет. На экране появилась эмблема американского департамента стратегической обороны.

– Программа «Аркан» была нашим ответом на Американскую «Strategic Defense Initiative», что в переводе означает стратегическая оборонная инициатива. У нас ее принято называть сокращенно СОИ или еще проще – «звездные войны».

Кто-то из команды хохотнул и вполголоса выдал: «Давным-давно, в далекой-далекой галактике». Шохин повернулся и поочередно осмотрел лица присутствующих.

– Если кто-то спутал межведомственное совещание с юмориной, то вам в программу «Аншлаг», и прошу вас, не задерживайтесь, дайте остальным заняться делом.

Не сговариваясь, Вахрушев и Пахотин устались на Дудкина, но тот сидел с каменным лицом, делая вид, что внимательно слушает докладчика.

Шохин немного подождал, нервно постукивая ручкой по столу. Комментариев не последовало, и он продолжил:

– В восьмидесятых годах Рональд Рейган объявил о запуске научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для создания широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования. Этот своеобразный ракетный «щит» должен был полностью исключить или значительно уменьшить возможность поражения всей Северной Америки ракетными ударами по целям наземного и морского базирования.

Следующие слайды показали схематичное изображение системы СОИ.

– Программа предполагала развертывание трех уровней обороны для защиты от возможного ракетного удара с территории СССР: на начальном (активном) участке полета межконтинентальной баллистической ракеты, среднем (пассивном) участке полета боеголовок в космическом пространстве и заключительном – непосредственно в небе над Северной Америкой. На заключительном участке полета предполагалось использовать ракетонесущий авиационный комплекс перехвата. Но было ясно, что таким способом невозможно перехватить все боеголовки, в частности из-за их большого количества, а также из-за различных активных и пассивных методов противодействия перехвату, как, например: постановкой ложных целей, созданием помех радарным системам и другими способами.

Слайды менялись один за другим, демонстрируя возможности программы.

– Для перехвата и уничтожения боеголовок на среднем и начальном участках предполагалось задействование мощных лазерных систем наземного и космического базирования. В качестве систем раннего предупреждения, слежения и целеуказания для лазерного оружия предполагалось развернуть отдельную спутниковую группировку, основанную на суперминиатюрных и, следовательно, малозаметных спутниках на низких околоземных орбитах. Именно эта система должна была стать «глазами» и «ушами» всей программы СОИ.

Картинка сменилась, все увидели группу советских ученых в белых халатах на фоне электронно-вычислительной машины «Эльбрус».

– На тот момент СССР переживало золотую эру суперкомпьютеров и опережало США в области разработки системы противоракетной обороны. Еще в 1959 году у нас была создана первая в мире компьютерная сеть – прообраз сегодняшнего интернета. Американцы смогли добиться такого результата лишь шесть лет спустя. Они связали между телефонными линиями два компьютера в Массачусетсе и Калифорнии. Компьютерную сеть ARPANET, которая впоследствии стала прототипом Интернета, Министерство обороны США развернуло лишь в 1969 году. А СССР уже в 1966 году имел в составе системы ПРО Москвы двенадцать ЭВМ 5Э92б, которые объединялись в высокоскоростную компьютерную сеть общей протяженностью более тысячи километров.

На экране появилось изображение упомянутой ЭВМ.

– Естественно, что такой амбициозный проект как СОИ не мог остаться без ответа, и в 1984 году на базе Особого Конструкторского Бюро Космических Исследований при Академии наук был создан специальный отдел, который приступил к разработке программы «Аркан». Поначалу отдел базировался в здании ОКБ ИКИ, а позже, после значительного прогресса, бюро и испытательную лабораторию переместили в отдельное здание в окрестностях столицы Киргизии.

– Почему Киргизия? – поинтересовался Вахрушев.

– Кадры решают все. Во Фрунзе на базе завода «Физприборы» создавалось оборудование для космических аппаратов. Выполнялся весь научно-производственный цикл: разработка технического задания, процесс конструирования, изготовление, испытания, установка и отладка, информационная поддержка в полете. В штате ОКБ ИКИ были такие научные деятели, как, например, академик Олег Алимов. Это он разработал бур, который в составе межпланетной станции «Луна-24» осуществил забор грунта с поверхности Луны. На базе конструкторского бюро изобретены и изготовлены приборы, участвовавшие в изучении поверхности Венеры, Марса и кометы Галлея.

Полковник жестом дал понять, что вопрос исчерпан, и Шохин вернулся к программе:

– Наши ученые тщательно изучили концепцию СОИ. Конечно, только ту часть, что была в открытом доступе, и пришли к выводу, что она не только слишком амбициозна, но и неосуществима. По грубым подсчетам вывели стомиллиардный бюджет. Таких денег у США не было даже при поддержке союзников по НАТО. Поэтому перед нашим КБ была поставлена более

приземленная, – Шохин усмехнулся, – если можно так выразиться, задача: создать комплекс дешифровки и перехвата каналов управления спутниками наведения вероятного противника.

Надо сказать, что комплекс «Аркан» должен был использовать новейшие советские разработки в области спутниковой связи, микропроцессорной техники в купе с программными алгоритмами дешифровки. Сердцем этого комплекса была «Эльбрус», – Шохин показал на фотографию ЭВМ. – Конечно, она не имеет почти ничего общего с современными российскими процессорами «Эльбрус», которые используют и другую архитектуру и схемотехнику, тут беспокоиться не о чем. Но! Не все наши оборонные комплексы используют последнее поколение процессоров и схемотехники, некоторые все еще базируются на более ранних поколениях. В этом и кроется уязвимость.

– Давайте про уязвимость поговорим на совещании второй группы, – внес свое предложение Шапошников. – Для расследования третьей группе достаточно озвучить основные факты.

Шохин прикрыл кулаком рот и кашлянул.

– Я понял. Тогда по основным фактам. После распада СССР все предприятия на территории Киргизии перешли под управление новоизбранного правительства. ОКБ просуществовало еще несколько лет, претерпело массу изменений, а в 2008 году окончательно закрылось. Космической деятельностью после распада Союза они не занимались. Последние годы предприятие выживало за счет заказов выпуска бытовой продукции.

– А что с «Арканом»? – спросил Вахрушев.

– Официально программу «Аркан» закрыли в 1991 году. Все разработки были переданы Академии наук. На этом у меня все.

* * *

На одной из секретных баз ГРУ к отправке на другой континент готовилась группа из шести человек. Командир группы Касатонов Виктор Владимирович – кодовое имя Дед – вошел в комнату отдыха, где команда ужинала перед отправкой, и без предисловий начал инструктаж:

– Из генштаба только что доложили, что засекли ориентировочное местоположение последнего сеанса хакера – штат Виргиния. Точную информацию дадут позже. В страну просачиваемся поодиночке, за исключением Камилы и Крикуна.

Командир протянул двум агентам листки, на которых были распечатаны их старые легенды. Пробежавшись по тексту беглым взглядом, Крикун фыркнул:

– Мы уже ими пользовались...

– Знаю, но наверху считают, что влюбленной парочке пора обновить список путешествий. Вас встретит связной в форме водителя туристического агентства.

Камила подобрала волосы в хвост и подмигнула напарнику. Тот представил их многочасовой полет над Атлантикой и построил гримасу.

– На время операции связь держим через приложение «Погода». Как только прилетите на место, убедитесь, что у вас включена геолокация. Буш вас ознакомил с приложением и показал, как обмениваться короткими сообщениями.

Дед протянул авиабилеты агенту с юго-восточной внешностью.

– Ворон, летишь на конференцию через Гонконг под видом бизнесмена. Твоя компания специализируется на компьютерных технологиях.

Ворон развернул билет, взглянул на время вылета, сгреб содержимое подноса в мусорное ведро и, схватив дорожную сумку, побежал к выходу.

– Бумеранг!

На кодовое имя отозвался здоровяк с широким лицом и набитым ртом.

– Хоть бы раз поесть нормально дали...

– Ты – менеджер по закупкам сельскохозяйственного оборудования, летишь в Канаду. Из Торонто в Питтсбург, где возьмешь в прокат машину и будешь на старте. Жди моего звонка.

– Как с девчонкой зажиматься, так Крикун, а мне грабли и трактора, – недовольно пробурчал Бумеранг.

– Хочешь, поменяемся? – Крикун натянул бейсболку. – Я только «за».

Единственная женщина в группе покраснела и уставилась на напарника.

– Отставить разговорчики! – Громогласно одернул командир. – Если ваши личные отношения повлияют на работу, вылетите оба.

– Нет у нас никаких отношений, – Крикун схватил сумку, получил билеты от командира и двинулся к выходу.

Дед перевел взгляд на Камилу.

– Что это было?

– Если б я знала, – она пожелала всем удачи и пошла за напарником.

– Буш, у тебя самый сложный маршрут... – обратился Дед к компьютерному специалисту.

Камила догнала напарника у машины на стоянке. Не успела она спросить в чем дело, как он схватил ее руку и, вывернув, прошипел:

– Ты бы сняла колечко, а то потеряешь. Женишок расстроится, столько деньжищ отвалил.

Камила одернула руку, оттолкнула напарника и уперла руки в бока.

– Не сниму! По легенде мы уже год встречаемся, так что вполне логично получить предложение руки и сердца.

– Не в этой жизни!

– Да от тебя и в следующей не дождешься! – буркнула она и отвернулась.

Крикун закинул их сумки в багажник, сел за руль и громко газанул. Глянул на Камилу и проорал:

– Тащись в тачку!

Такую злобу он демонстрировал впервые. Это уже не привычное раздражение. Камила задумалась. Может, действительно сменить напарника? После предыдущего задания он вел себя странно, игнорировал ее сообщения и не отвечал на звонки. Она бросила долгий взгляд на багажник. Еще не поздно сделать рокировку. По ее лицу он понял направление мысленного процесса, представил выражения лица Деда, когда она вернется на базу, и приказал себе остыть. Выдохнул и как можно спокойнее сказал:

– Садись, Камила, время поджидает.

* * *

Шохина сменил второй эксперт – рыжеволосый крепыш с оттопыренными ушами в звании подполковника. На стол с проектором легла упаковка слайдов. Он вставил первый слайд и представился:

– Меня зовут Шамиль Адашев. Я введу вас в курс состава группы разработчиков и дам их краткие характеристики.

Первым на экране все увидели полноватого мужчину с одутловатым лицом, крупным носом и лукавым взглядом.

– Всего в группе разработчиков значилось пятнадцать человек, но допуск высшего уровня имели только шестеро. Перед вами руководитель проекта Султанов Азамат Джолдошевич. Как руководитель, он формально имел допуск, но на деле в разработке программы не участвовал, занимался сугубо общеорганизационными вопросами. В те времена за пределами РСФСР было принято назначать руководителей сугубо из местных, а замами ставили тех, кто реально тянул на себе весь производственный процесс, чтобы, так сказать, финансовые и кадровые вопросы не мешали их основной деятельности. Так произошло и в этом случае.

На втором слайде присутствующие увидели обаятельного улыбчивого bruneta лет сорока.

– Карел Новак, этнический чех, проживал на территории Киргизии с семи лет. Новака проверяли на благонадежность не один раз. Это единственный инженер, который находился под наблюдением почти двадцать четыре часа в сутки.

– Почему? Вы же сказали, что он прошел все проверки, – поинтересовался Пахотин.

– На его личном деле стоят резолюции самых высокопоставленных чиновников. Тем не менее, мы точно знаем, что доклады о его передвижениях поступали с периодичностью раз в неделю.

– Его не пасли, а охраняли, – сделал вывод Вахрушев.

– Возможно, – согласился Адашев. – Такая трактовка вполне вероятна. Новак был лично знаком со многими партийными чиновниками. Как и Султанов, он контактировал с иностранными делегатами, посетившими КБ в годы разработки программы. Приезжали специалисты из Кубы, Болгарии, ГДР, Франции и Венгрии. А когда он встречал делегацию из Чехословакии, за ним попятам ходили два агента, которые подавали ежедневные рапорты о его контактах.

– Что-то вызывало подозрение?

– Нет. Новак вел себя дружелюбно, гостеприимно, много рассказывал о жизни в Киргизии, но все в рамках дозволенного. Вне стен лаборатории о программе никогда не упоминал. Даже его близкие не знали, чем он занимается.

Эксперт показал следующую партию слайдов. На экране замелькали лица еще четырех инженеров. Группа заслушала оценку их профессиональной деятельности и вклад в разработку программы.

– Выставленные хакером чертежи являются частью секретной разработки или той, что занимались остальные девять человек? – спросил Пахотин.

Адашев перевел взгляд на коллегу и отступил в сторону. Перед экраном во весь рост вытянулся Шохин.

– Мы получили скриншот трех чертежей прототипа опытного образца модульного дешифратора. Кто конкретно его разрабатывал, сейчас сказать трудно. На чертежах нет технического описания. Но кто бы это ни был, он имел доступ высшего уровня, что и пытался донести до вас коллега.

– Порядок, – Вахрушев поблагодарил экспертов.

* * *

На высоте десять тысяч километров, глядя в иллюминатор, он вспоминал последний день в родном городе. Прошло почти четверть века, детали растворились в памяти, как молоко в кружке кофе, который принесла ему улыбчивая стюардесса. Так уж совпало, что из норы, в которой его штопали, переливали кровь и вкололи не меньше сотни препаратов, он выполз именно в тот день, когда его якобы хоронили.

После очередного покушения он нанял двойника и платил ему баснословные деньги, чтобы тот мелькал в наиболее посещаемых местах с его охраной. Бродячему циркачу из Бухары некогда было вживаться в роль. Разве он мог предположить, что уже через три недели его натренированное тело прощется автоматная очередь.

Он не справился с искушением и попросил водителя подъехать поближе к толпе. Люди, которым он помогал, прощал долги, наказывал их обидчиков, хаяли, а некоторые даже плевали вслед его приближенным, несущим тобут, накрытый его окровавленной папайкой, с которой он расставался разве что летом. Лишь дед, точащий ножи перед входом на рынок, сказал: «Вот и настал конец правления Черкеса». Не было в его тоне злобы, лишь видение ситуации без прикрас.

В тот день в нем что-то надорвалось, и не потому, что оказался не понят людьми, на это он и не рассчитывал, он прочувствовал бессмысленность всего, что делал, ради чего жил и чем дорожил. Вот что значит жить среди людей и быть совершенно одиноким – не чувствовать радость, ни на кого не надеяться.

Как хорошо, что судьба даровала ему время для исправления ошибок, дала возможность побыть наедине с собой, познать внутренние страхи и подавленные обиды. *Только одиночество дает человеку понимание того, кто он есть и каков его путь.* Горы излечили его, сделали сильнее и мудрее.

– О чем задумались? – услышал он приятный женский голос.

Он повернулся и взглянул на стюардессу.

– Почему вы спрашиваете?

– Нет ничего прекраснее задумчивого мужчины.

В голове вертелись варианты ответа, но он решил не продолжать бессмысленный разговор.

– Ты чего? – спросил его один из телохранителей, как только девушка удалилась на мини-кухню. – Когда ты был с женщиной в последний раз? Дамочка сама к тебе в руки падает.

– Выпей стопарь и расслабься, – подначивал его второй.

– Ты что, монахом заделался? Типа целибат?

Обсуждение личной жизни даже для них, кто прикрывал ему спину больше десяти лет, было под запретом, о чем он тут же напомнил им в резкой форме. Секьюрити мгновенно подо-брались и сменили тему.

* * *

После ужина, который прошел в столовой при штабе, Вахрушев собрал команду в конференц-зале, чтобы раздать поручения. Но едва начав, замолк, разглядывая вошедшего офицера лет тридцати. Он видел его пару раз в приемной Масличенко.

– Капитан Савельев, – пожал он руку полковника. – Иван Алексеевич послал меня к вам в помощь.

– Помощь какого рода? – осторожно поинтересовался Вахрушев.

– Связь с другими департаментами.

Вахрушев и Пахотин переглянулись. Делать нечего, приказ есть приказ.

– Присоединяйтесь, – он жестом показал Савельеву на свободный стул. – По ходу работы познакомьтесь с группой.

– А можно сразу вопрос? – поднял руку один из аналитиков и, переведя игривый взгляд на новичка, лихо салютовал и представился: – Игорь Дудкин.

– Не дуди в дуду, – одернул его Пахотин.

– Пусть спрашивает, – Вахрушев подбоченился. – Ну? Игорь?

– А с какого перепуга мы на казарменном положении?

– Дык в управлении знают, что ты без бабы трех дней прожить не можешь, и умышлено лишили тебя доступа, – съязвил Пахотин и навис над коллегой. – Только так можно заставить твои мозги вращаться по-быстрому.

– Типа ты так шутишь?

– Довольно, – остудил их пыл Вахрушев и сел во главе стола.

С угрюмым видом Пахотин сел рядом и сложил руки на груди.

– Дело, что нам поручили, пропахло нафталином и обросло территориальными границами. Шеф намекнул, что половина свидетелей на пенсии, другая – на кладбище. Так что работать будем ювелирно, мне здесь сердечные приступы не нужны. Всем понятно? Рома, – обратился Вахрушев к заместителю, – займись поиском шестерых разработчиков. Установи

местонахождение и посылай за ними группу сопровождения. Лежачих и хворых опроси сам, остальных ко мне.

– Что спрашивать?

– Для начала пусть расскажут все что помнят. Изъять весь материал: чертежи, наброски, фотографии лаборатории, если таковые имеются. Беседы записывай на диктофон, записи отдашь Козыреву, – полковник указал на худошавого парнишку. – Адам разберет все по косточкам и сверит показания. Докладывать обо всех нестыковках. Адам, составь на каждого досье, запроси распечатки мобильных и домашних телефонов. Проанализируй на предмет зарубежных контактов.

– А если кто-то остался в Киргизии?

– Специалисты такого уровня? Навряд ли, если только Султанов.

– И все же?

– Сначала дайте мне информацию. Решать будем на ходу. Выполняйте!

Пахотин и Козырев засели в оперативной комнате.

– Костя, – обратился полковник к Юрасову, коренастому насупленному аналитику, – установи за всеми шестерыми наблюдение. Прослушка, камеры. Игорь, завтра утром поедешь в Академию наук. Шохин сказал, что все материалы были переданы им в 1991 году. Уточни, у кого возникал интерес к программе. Сними копии всего, что у них есть. Необходимо обеспечить материалами вторую группу. Им предстоит просчитать риски. К тому же, если хакер выложит что-то еще, мы должны подтвердить подлинность или опровергнуть. Уточни, кто занимался передачей материала. Как проходила процедура, могла ли пойти утечка во время передачи? Были еще подобные программы? Мог ли кто-то использовать разработки «Аркана» в дальнейшем? Особое внимание удели дешифратору! Потом езжай в министерство обороны. Те же вопросы. Ищи след шести разработчиков, не засветились ли они в других проектах, не применяли ли частично или полностью технологии «Аркана». Может, утечка пошла вовсе не из ОКБ ИКИ, а гораздо позже. На этом пока все!

Когда все разошлись, Вахрушев прожег взглядом Савельева.

– Ну? Что Иван Алексеевич просил передать с глазу на глаз?

– Определено местонахождение хакера: Ричмонд, штат Виргиния. Группа Касатонова уже в пути. По прибытию агенты установят за хакером наблюдение. Техники круглосуточно мониторят сайт на предмет активности. Заседание руководства назначено на послезавтра, сутки даны на сбор информации.

– Маловато...

– Знаю, но время поджимает. Будем работать с тем, что есть.

Вахрушев подумал, возможно, группа Касатонова справится с задачей быстрее, чем они начнут расследование.

– Еще просил предупредить о возможной внутренней утечке. Соседи¹ всячески будут давить на следствие. Никто из их шишек не захочет подставиться под удар.

– Это понятно, мы на их поле. Кому такое понравится? Кстати, о соседях, – Вахрушев потер подбородок. – Их Папики² держали под колпаком этих конструкторов годами. Они были внутри и щупали всех, кто контактировал с шестеркой. Это их работа. Кто курировал программу?

– Дежнев. Мы привлекли его, как только узнали об утечке. Обещал подъехать в штаб. Узнайте у него, кто был в охране, я же со своей стороны похлопочу об анкетных данных.

– Он при делах?

¹ Соседи (сленг) – ФСБ.

² Папики – предшествующее ведомство – КГБ.

– Нет, – Савельев вынул из портфеля личное дело руководителя службы безопасности программы «Аркан» и протянул полковнику. – Пять лет назад ушел в отставку.

Пробежавшись глазами по досье, Вахрушев подметил:

– Он был из местных.

– Да. Руководство комитета безопасности решило, что это целесообразней. Он знал менталитет и специфику работы. До назначения на должность работал в ОКБ ИКИ семь лет.

– Знал всех как облупленных, – вслух рассуждал полковник.

– Давал общую характеристику всех специалистов. Отслеживал их в работе и передвижения за пределами бюро.

– Ценный свидетель, – подметил Вахрушев, постучал по папке и сощурился, обдумывая, как подступиться к бывшему гбшнику.

– Поговаривают, что у него крутой нрав, поэтому Иван Алексеевич рекомендует его хорошенько встряхнуть.

– Это мы можем...

* * *

Россия, Карачаево-Черкесия, аул Верхняя Теберда

Генерал-полковник в отставке Вахит Умарович Бостанов встретил рассвет на мосту через реку Теберда, вцепившись в изъеденный коррозией металлический поручень. Красота родных мест, покинутых им еще в детстве, растрогала до глубины души. Глаза увлажнились, он схватился за сердце и учащенно задышал.

– Отец! – окликнул его мужчина, прятавший лицо под козырьком бейсболки. Он вышел из машины и протянул таблетки.

– Я уже принимал, – отмахнулся Бостанов.

– Прими еще.

Трясущейся рукой Бостанов извлек из упаковки таблетку и положил под язык. Несколько минут молчал, потом с шумом вдохнул горный воздух и натужно выдал:

– Помню, как в дом ворвались военные в шинелях. Было раннее ноябрьское утро, холод стоял собачий. Офицер махал бумажкой перед лицом отца и кричал: «Мы выселяем вас на основании Указа президиума Верховного совета». Никогда не запоминал цифры, но номер и дату того варварского указа буду помнить всю жизнь. Для депортации мирного населения они отозвали с фронта более пятидесяти тысяч солдат и офицеров. Подумать только! – из груди вырвался протяжный свист, легкие горели огнем. – Нашу семью депортировали из аула одной из последних. Даже награды отца не помогли. Он полгода, как вернулся из госпиталя, был ранен в голову. У него не было части черепа, – Бостанов показал на правую часть головы.

– Ты никогда не говорил об этом.

– Он не любил, когда его спрашивали о здоровье, видимо, эта черта передалась и мне. После ранения его частенько мучили головные боли, из-за этого он срывался на всех домочадцев. Мать терпела, но по ее лицу я видел, что прежней сплоченной жизни уже не будет. Отец вернулся с фронта другим. От него веяло смертью.

Сердцебиение пришло в норму, дыхание восстановилось, Вахит Умарович показал в сторону дороги.

– Давай пройдемся.

Сын огляделся, убедился, что их никто не видит, и кивнул. Словно тени за ними двинулись двое телохранителей.

– После отправки первых эшелонов пару дней я ходил по аулу и не понимал, куда все делись. Спрашивал у матери, а в ее глазах был такой ужас, что словами не передашь. Дома пустые. Только собаки одичалые и мародеры бродили по ночам в поисках добычи. В память

врезалась соседская деревянная лошадка. Мой друг иногда давал мне на ней покачаться, когда еще были совсем мальцами. Помню, как я выпрашивал у него эту лошадку, предлагая разные подношения: камушек красивый или этикетку от консервов. У аульской детворы они считались разменной монетой. А он кочевряжился, не уступал, набивал цену. Когда их увезли, я заглянул в дом и увидел эту лошадку, она качалась, как в ужастике, будто на ней сидел мой друг. Позже мы узнали, что их расстреляли за попытку к бегству: со страху драпанул старший сынок, а пострадала вся семья.

– Это те, что сотрудничали с немцами?

Отец гневно зыркнул на сына и побелел.

– Не говори того, чего не знаешь. Сколько раз повторять? Была война и каждый старался выжить. Где были те пятьдесят тысяч, которые наших женщин и детей депортировали, когда немец наступал? Вывезли бы людей. Так нет же. Бросили. Выживайте, как хотите. Мужчины на фронте, страну защищают ценой собственной жизни, а их семьи выселили в скотских условиях на погибель. В дороге запрещали даже хоронить. Трупы выкидывали в реки, в поля, как мусор. Эшелоны смерти – вот что это было!

– При отступлении всем рекомендовали покинуть эти территории.

– Как покинуть? Здесь скот, дома, дети малые, старики лежачие. Где нас ждут? Это ведь семьдесят тысяч человек, – Бостанов разнервничался и зашелся кашлем.

– Если будешь так реагировать, прямо сейчас увезу.

Отставной генерал отмахнулся и упрямо двинулся вперед. Сын всегда восхищался отцовской выдержкой и мужеством, но, видимо, гложущие его годами детские воспоминания взяли вверх, и он размяк.

– *Не бывает плохих наций.* В каждой нации есть слабые духом и сильные, добрые и злые. В то же время есть некие отличительные черты, характеризующие людей определённой нации, которые проявляются в профессии, характере и моральной стойкости. Горцы славятся доблестью, отвагой и преданностью. У нас и женщины такие, это они весь народ на своих плечах вынесли. Выжили, несмотря ни на что, против всех мыслимых и немыслимых законов природы.

– Откуда тогда взялись те первые списки, про которые ты говорил? Ты же не отрицаешь, что они сотрудничали с немцами.

Еле сдержавшись от резких слов, Вахит Умарович приказал себе успокоиться и обстоятельно объяснить, ведь он сам повинен в том, что его сын рос, как отбившийся от стада ягненок. Отрок жил по собственным законам, впитывая от разных культур традиции и моральные принципы. Его воспитывала улица, а на ней были представители двухсот наций, в основном дети таких же депортированных.

– Не знаю, как дела обстояли у остальных, но видел, за что попала в этот список наша родня. Фашисты с населением особо не церемонились. Ствол к виску – и пли. Как-то мы с братом пошли к родственникам, а у них немцы. Вывели деда и говорят, проведи обозы с оружием коротким путем. Дед в отказ. Немцы выводят всю семью и начинают расстреливать по одному. Крики, мольба. Дед пошел врукопашную и замертво упал от автоматной очереди. Долгие годы дед был для меня примером мужества и стойкости. Но в глубине души я знал, что так бы не смог.

– Поэтому ты меня от всех прятал?

– Прятал по многим причинам. Ты должен знать, я назвал тебя в честь деда, и каким-то мистическим путем тебе передался его дух – он тоже был проницательным и дальновидным.

– Не такой уж он дальновидный – из-за него семья погибла.

– Да. Но погибло бы больше народу, покажи он им путь.

– Скажи это тем, кто умер, – привычным тоном огрызнулся сын, но взглянув на отца, осекся и извинился.

- А ты бы как поступил?
- Повел бы, – усмехнулся сын, – но...

Отец оскалился и похлопал сына по плечу.

– В первую очередь нужно снять напряжение. Сделать вид, что торгуешься. Отходя с противником, дал бы команду увезти семью, а сам завел бы врага в тьму тараканью. Туда, где снег поверх головы, – сын посмотрел в сторону Домбая. – Что б уж наверняка.

– Фашисты были не дураки. Все наши хитрости наперед знали, – отец взъерошил сыну волосы. – Сам бы тоже погиб?

– Возможно, но семья бы выжила.

– На словах можно так рассуждать, а вот на практике все иначе. Представь: пистолет у виска, крики детей и женщин, немцы вооружены. Думать нет времени.

Отец свернул с дороги и поднялся в гору, насколько хватило сил. Окинул взглядом расположившийся внизу аул и опустился на ближайший валун. Сын сел рядом на корточках.

– До станции нас везли по этой дороге на трех «полуторках». Мы были в первом ГАЗике, а в последнем – сестра отца Назифат с семьей. Никто не знал, куда нас увозят, многие думали, что на расстрел или в концлагерь. Конвой, что завершал колонну, отстал. Муж тетки Исмаил с двумя братьями напали на конвоиров, обезоружили и побежали в горы. Раздались выстрелы. Первая кровь и крики. Помню, с какой силой меня прижала к себе мать. Мне было тогда шесть лет. Назифат с детьми и мужем удалось прорваться через оцепление и уйти от погони. Остальные погибли. Только в семидесятые мы узнали, что они выжили и осели в Турции, – Бостанов повернулся к сыну. – Ты был на ее могиле?

Сын кивнул. Отец одобрительно похлопал его по плечу.

– Пятого ноября 1943 года нас запечатали в вагоны для скота и отправили в Киргизию. А третьего мая 1957 года, сразу после реабилитации, первый эшелон с карачаевцами вернулся на Родину. Из нашей семьи уехали десять человек, а вернулся только отец. После депортации я был здесь лишь раз, приезжал на его похороны. Здесь мне тяжело. Даже Киргизия воспринимается легче, хотя основные потери случились там...

По дороге проехал парень на велосипеде, и пока не скрылся за поворотом, все оглядывался на незнакомцев, сидящих на горе в такой ранний час.

– В пути мы провели пятнадцать дней. При отправке в вагон затолкали почти шестьдесят человек. Голод и холод сделали свое дело. В первую неделю численность изрядно сократилась. На станции Беловодское в Киргизии мы сошли вшестером. Трехлетняя Марзият умерла всего сутки назад. Помню, как ее маленькое тельце отрывали от груди матери. Она не отдавала. Кричала и просила дать разрешения похоронить. Нам разрешили отнести ее к остальным трупам. Она дошла до остановки, где были навалены кучи из человеческих тел, и вложила маленькое холодное тельце в руки молодой женщины, которую еле живую посадили спиной к стене. Уже тогда в ней что-то сломалось. Я увидел в ее глазах безумие.

– Не надо, – еле слышно произнес сын, – не рви себе душу.

– Хочу, чтобы ты знал историю семьи.

– Я читал твои мемуары.

– Там нет подробностей депортации! – грозно выпалил отец.

– Не лучше ли забыть?

– *Прошлое и настоящее должны быть в человеческой памяти неотделимы.* Пока люди помнят, такое не повторится.

Отец спустился с горы и пошел к машине. Сын покорно двинулся следом и с неприсутствием ему терпением выслушал совершенно дикие истории той злосчастной высылки. Закончив рассказ, Вахит Умарович сел во внедорожник с московскими номерами и выпил еще одну таблетку, чтобы унять разбушевавшееся сердце.

– Отвези меня в Киргизию.

– Ты с ума сошел?! Это опасно! – вскипел сын, но под натиском тяжелого отцовского взгляда сбавил тон. – Это опасно для всех.

– Хочу в последний раз взглянуть на могилы матери и Лейлы, – безапелляционно уведомил отец.

* * *

Россия, г. Москва

После полуночи приехал первый свидетель – Маркел Петрович Дежнев – бывший глава службы безопасности программы «Аркан». Процедура досмотра ввела нынешнего пенсионера в нервное состояние. Его провели в комнату для допросов, оборудованную по последнему слову техники. Вахрушев решил немного помариновать Дежнева и с допросом не спешил – застыл в соседней темной комнатке перед односторонним зеркалом и наблюдал за свидетелем. Дежнев был маленького роста. Пока его вели по коридору, Вахрушев подметил непропорционально широкие плечи. На квадратном отечном лице узкий маленький нос выглядел ущербным. Под глазами набухли мешки.

Последним к группе примкнул аналитик Борис Ильин. Вахрушев кивком показал на свидетеля.

– Что скажешь о нем?

С минуту Ильин пристально разглядывал бывшего гбшника и выдал:

– Пьет...

– Это я и без тебя вижу, – ухмыльнулся полковник.

– ...наблюдается явный комплекс Наполеона, – продолжил коллега, игнорируя раздраженный настрой шефа. – Деспотичный, чрезмерно напыщен, агрессивен, завистлив и замкнут. Глядя на испуганного старичка, Вахрушев усмехнулся.

– Что-то я не вижу в нем напыщенности и деспотичности.

– Не обольщайся. Как только он освоится в новом качестве, обязательно себя проявит. Хочешь добиться информации, запусти к нему Пахотина, пусть пострадает, пока губы не побелеют.

– Чтобы потом его скорая откачивала?

– Рома знает свое дело. Пойдешь следом и польстишь ему. Мол, наслышан о ваших заслугах и прочее, тогда он запоет.

Предложение Ильина Вахрушев сразу отверг из-за несостоятельности подхода. Ильин не знал должности Дежнева, потому и сморозил. В обязанности главы безопасности входили сбор информации и допросы, а значит, он был докой в этом деле. Тогда как пробить оборону и заставить говорить? Но Ильин прав в другом, судя по психологическому портрету с последнего места работы, Дежнев страдал от комплекса Наполеона, а таким важно оставить после себя наследие. В личном деле в графе «Семья» указано, что сын и внук пошли по его стопам, образовав семейную династию. Именно на этот факт Вахрушев сделал ставку.

Полковник вошел в комнату для допросов, представился, сел напротив свидетеля. Заговорил деловито, с напором, не давая Дежневу опомниться и «прочитать» оппонента. Ввел в курс дела, акцентируя на том, что утечка государственной тайны произошла в его бытность. Намекнул, что все ответственные лица могут понести наказание, не говоря о том, что будут лишены всех регалий. В качестве финишного довода намекнул, что дело может получить огласку в прессе, и фамилии виновных будут склоняться на всех телевизионных каналах. Дежнев краснел, бледнел, пыхтел, раздувал ноздри, а потом взорвался:

– Со всей ответственностью заявляю, что от вверенных мне сотрудников утечки не было! Программа могла попасть во вражеские руки только одним способом: через Новака! Я никогда ему не доверял! Писал в Академию наук, ЦК и своему начальству докладывал. Он был про-

вокатор и наушник. Никто! Слышите?! – он наотмашь стукнул по столу ладонью. – Никто из сотрудников не имел такой возможности. Только Новак! Это он! Говорю вам!

– Успокойтесь. Мы здесь, чтобы во всем разобраться. Все по порядку. Доедем и до Новака. Начнем с того, кто имел доступ к секретной части программы.

– Доступ имели восемь человек.

– Восемь? – переспросил в недоумении полковник, глядя на список из шести фамилий.

– Шестеро – списочный состав КБ и двое из отдела безопасности. Я и Тороненко Петя.

Но он умер от инфаркта в 1993 году, не дожив до своего сорокалетия один день.

– От него могла пойти утечка?

– Нет, он к технике не подходил. Сомнительных контактов не имел. Образцовый партиец.

– А вступить с кем-то в сговор?

– Исключено. Все было под контролем.

– Что входило в его обязанности?

– Следить за обстановкой внутри лаборатории. Он отвечал за сохранность данных и обязан был предотвратить диверсию, если таковая планировалась.

– У вас есть хоть какая-то документация? Ваши доклады? Журнал происшествий? Графики смен? Хоть что-то?

– Ничего, – Дежнев покачал головой.

– Итак, начнем с Султанова. Опишите его.

Размяв трясущиеся пальцы, Дежнев поморщился от неприязни.

– Басмач недобитый.

Вахрушев живо представил Дежнева в роли цербера-гбшника, важно расхаживающего по коридорам проектного института. Как он придирался к любому, кто попадался ему на глаза, собирал сведения и строчил донесения.

– Почему вы так говорите?

– Потому что это правда! – выпалил свидетель. – Он был из местных баев. Каста неприкосновенных. Ничего из себя не представлял. Женился удачно. Попал в семью партийного шишки. Чуть что – прикрывался своим тестем.

– Он мог скопировать программу?

– Султанов? Нет. В лабораторию он спускался только когда делегации приезжали. В обычный день ровно в девять утра заходил в кабинет, ровно в шесть уезжал домой на служебной «Волге». Киргизы русских к кормушке не допускали, между собой пирог делили. Русскому зарплату и грамоту в зубы, а тот дурень и радуется. Руководство, естественно киргизы, – на лаврах почивало. В санаториях отдыхали, премиальные выписывали. Что случись – русский виноват, а если научный прорыв – только благодаря грамотному руководству. Когда проверки приезжали, он больничный брал. Уезжали – сразу на работу – и как огурчик! Хитрый, изворотливый. Устроил в КБ троих своих племянников и двух сестер. Я все его делишки разоблачал. Писал куда надо.

– Ясно, – лицо полковника мрачнело с каждым выпадом свидетеля. – Перейдем к Новаку...

– Говорю вам, это он! – тут же взорвался от негодования Дежнев. – Интервент недобитый.

– Давайте по существу. Факты. Чем он вызывал у вас подозрение?

– Да всем! Напоминает личико смазливое и улыбочку натянет. Дамочки ахают и охают.

Проходу ему не давали. Были, конечно, перегибы и с их стороны, но не без его попушения.

– Что вы имеете в виду?

– Да писали дамочки на него докладные, мол, так и так, забеременела от товарища Новака, прошу принять меры. А какие меры? Я что, абортарий?

– Почему вы считаете, что утечка могла пойти от Новака?

– Так он единственный, кто контактировал с америкашками, – Дежнев прищурился и выпалил: – Султанова тогда не было!

– Вот как? Расскажите, – оживился полковник.

– Помните совместный проект наших и америкашек «Союз-Аполлон»?

– А как же!

– Сам проект был осуществлен в 1975 году летом, но был длительный период подготовки. В 1970 году, кажется, в октябре, Султанова и Новака вызвали в Москву. Басмач подумал, что по шапке получит и, как обычно, сказался больным. В Москву полетел Новак, а сопровождал его Ячин.

– Кто такой?

– Его личный, как сейчас принято говорить, телохранитель. Наш человек. Ячин Сергей Михайлович. Тогда ему чуть за двадцать было. Он всегда при Новаке был. Полетели они, стало быть, в Москву, а там, оказывается, совместная встреча двух стран. Ох, как Басмач локти кусал. А Новак, естественно, такой возможности не упустил. Красовался перед вражескими генералами, как девица на выданье. Приехал весь важный, с подарками от америкашек. Ходил по КБ и всем показывал очки и ручку золотую. Тьфу! – Дежнев сплюнул, не рассчитал и попал на стол. – Крыса продажная.

Вахрушев картинно уставился на плевков.

– Вернемся к фактам.

– Да... – Дежнев смутился и вытер стол рукавом рубахи, – так вот, встреча была рассчитана на два дня. Ячин потом докладывал, что на три часа потерял Новака и его жену, которая, кстати, поехала за счет КБ. Они только в гостинице встретились.

– Как Новак объяснил свое отсутствие?

– Придумал сказочку о том, что они с Ячином в ГУМе потеряли друг друга из вида. Ячин? Потерял? Да он иголку в стоге сена с закрытыми глазами найдет!

– Правильно я вас понял? Новак был тем, на ком держалось КБ?

– Я бы так не сказал. КБ держалось на Северцеве Вениамине Витальевиче. Он из Мурманских был. Башковитый мужик. Значился главным конструктором. А Новак был замдиректора. Он и проектировал, конечно. Когда не было испытаний, не вылезал из лаборатории. Но все прорывы совершал Северцев. Новак ставил задачи и мыслил абстрактно, а Северцев их воплощал.

– Утечка могла быть от Северцева?

– Нет, – Дежнев помотал головой. – Само собой, что событие предпоследнего дня девяностого года его подкосило, он запил. Сел как-то пьяным за руль и... разбился.

– Когда это было?

– В 1992-м году. Тогда ОКБ ИКИ закрыли, меня перевели в Москву.

– А что было в 1990-м?

– Как? Вы не знаете?

– Мне интересна ваша трактовка событий, – уклончиво объяснил полковник.

– Это понятно, – Дежнев придвинулся и, смакуя каждое слово, заговорщически поведал: – Все началось в ноябре 1990 года. На Байконуре, где стартовал спутник с нашим оборудованием, во время старта ракеты умер инженер-испытатель, казах. Я его не знал. Но наши конструкторы с ним контактировали. Приехали оттуда смурные, особенно Новак. Он был на похоронах у этого казаха. Несколько дней меня спрашивал о моем начальстве. Естественно, я доложил куда надо. А тридцатого декабря того же года Новак пропал.

– Пропал? – Вахрушев не смог скрыть своего удивления и тут же себя упрекнул.

– Бесследно. Ни места преступления, ни трупа.

– Расскажите подробно, при каких обстоятельствах пропал Новак.

– Тридцатого я его видел выходящим с Мордой.

– Кем?

– Ну! Этот! Как его? Фамилия противная. Мардарь! Павел Анатольевич.

– Конструктор... – вспомнил Вахрушев из доклада эксперта.

– Ага. Молодая поросль. Когда вернулись, выяснилось, что Новак пропуск потерял. Я выписал ему временный. После этого Новак исчез. Пиджак, в котором был паспорт, ключи от квартиры и деньги, так и остался висеть на спинке стула. Прочесали все здание – его нет. Меня уволить хотели, Султанов меня ненавидел, а тут такое... Отыгрался по полной. Но комиссия решила никого до конца следствия не трогать.

– Комиссия?

– Да, сборная солянка была: местная прокуратура, наше ведомство и три следака из Москвы. Мы их в воинской части разместили неподалеку от лаборатории.

– Что выяснила комиссия?

– Передо мной, понятно, они не отчитывались, но по слухам, я так понял, что все зацепки отработали, и ни одна на след не вывела. Поэтому я и сказал, если и была утечка, а мы тогда этого не знали, то только через Новака. Он скопировал программу и слинял. А в свете его встречи с америкашками не удивлюсь, если он рванул в Штаты. Ушлый был мужик. Английский знал. Говорил бегло, почти без акцента, – он цокнул языком. – Вот так-то!

Следующий час Дежнев подробно рассказывал об остальных сотрудниках, но мысли Вахрушева вертелись вокруг Новака. Почему никто из Управления не сказал, что Новак исчез?

В конце допроса полковник спросил:

– Помните фамилии следователей из Москвы?

– Я общался только с их главным. Кажется, его фамилия была... – Дежнев закатил глаза. – Авилов! Имя? Как же его имя... То ли Тимофей, то ли Матвей... Точно не скажу.

– Сколько длилось следствие?

– В первый раз два месяца, а во второй – недели две, и приезжал только Авилов.

– А зачем он приезжал во второй раз? Новые улики появились?

– Не знаю, со мной он не говорил, но я слышал от сотрудников, что он их повторно допрашивал.

– Кого конкретно?

– Точно не помню, но многих. Мардаря и Северцева точно. Что-то у них в алиби по времени не складывалось.

* * *

Закончив допрос, Вахрушев подписал пропуск на выход и проводил Дежнева до КПП, предусмотрительно предупредив свидетеля, что это не последняя их встреча. Бывший глава безопасности программы «Аркан» уходил хоть и уставшим, но воодушевленным, размышляя о том, что в конечном итоге чутье его не подвело – Новак оказался предателем-перебежчиком.

В оперативной комнате Вахрушев обратился к Юрасову:

– Костик, установил «жучка» в телефон Дежнева?

– Так точно, – выдал с довольным видом аналитик, – как только за ним захлопнулась дверь допросной.

– Порядок.

– Олег! – позвал полковника Ильин.

Когда Вахрушев дошел до его стола, он ткнул в монитор.

– Я нашел два фильма о КБ. Один любительский в социальной сети, а второй снят киностудией «Киргизфильм». Вот Новак.

На экране шли кадры из трудовой жизни конструкторского бюро, явно постановочные. Вахрушев представил, как проходил съемочный процесс, и ухмыльнулся. Людей явно проин-

структурировали заранее: женщины с высокими прическами, мужчины в белых рубашках и темных костюмах. Замелькали кадры из секретной лаборатории, но камера была выставлена так, чтобы оборудование не попадало в кадр. Новак производил приятное впечатление: статный, стройный, одет не в мешковатый костюм, как коллеги, а подогнанный по фигуре. Видимо, он пользовался услугами портного.

– Боря, займись этим Новаком вплотную. Дай мне все, что на него найдешь. Еще мне нужны те три следователя-москвича, что вели расследование его исчезновения.

– Думаешь, Новак перебежчик? – с сомнением поинтересовался Ильин.

– Я понимаю, куда ты клонишь. Дежнев его ненавидел, но это личное...

– Да по ходу, он всех ненавидел.

Полковник выставил указательный палец, чтобы его не прерывали.

– События девяностого года заставляют задуматься. Во время старта ракеты умирает инженер на Байконуре. Потом пропадает Новак. Следом погибает в автомобильной катастрофе Северцев.

– Что-то твой Дежнев напутал, – вступил в разговор Пахотин, надел очки и прочитал с листа. – Северцев Вениамин Витальевич проживает в Москве в Кузьминках.

– Вот завтра и узнаешь, тот ли это конструктор, – полковник взглянул на часы. – Уже третий час, отбой. Подъем в семь утра. Планерка в семь тридцать.

Глава вторая

10 июня 2015 г.

Россия, г. Москва

На утренней планерке Пахотин обобщил найденную к этому часу информацию и доложил:

– Из конструкторов с допуском к секретной части программы в живых остались только Северцев и Мардарь. Новак – официально без вести пропавший. Султанов умер от почечной недостаточности в 1999 году. Володин утонул в 1996-м, Иванов скончался от инфаркта в 2002-м.

– Прямо череда смертей, – хмыкнул Дудкин, попивая из кружки дымящийся кофе. – Мы будем это расследовать?

– Смерти между собой не связаны, – заверил шефа Пахотин.

– Железобетонно? – уточнил Вахрушев.

– Я запросил протоколы вскрытия, отправлю экспертам для проверки. Как только получим подтверждение, официально обрубим этот след – пока не вижу смысла на этом концентрироваться.

– Согласен, только приобщу к списку Тороненко Петра. По словам Дежнева, он умер в 1993 году, – распорядился полковник. – Что на счет оставшихся в живых?

– После долгих уговоров Северцев согласился приехать в Штаб к девяти часам. Мобильник Мардаря недоступен. Проеду по месту жительства и работы.

– На счет следователей, ведущих дело о пропаже Новака, – вклинулся Ильин. – Из ныне здравствующих остался только один старший следователь – Авилов Матвей Савельевич. Обещался подъехать к часу.

– По Новаку есть инфы?

Ильин вывел на электронную доску несколько фотографий.

– Пока расскажу, что есть в общей доступности. Карел Новак – выходец из семьи инженеров. Мать и отец работали на строительстве электростанций и попали в Киргизию после войны по распределению. Карел был женат на Вере Кондратьевой.

На доске появились две фотографии жены Новака – жгучей брюнетки с большими глазами. Дудкин присвистнул.

– Вот это барышня!

Даже Пахотин, обычно скудный на похвалу, не удержался от комплимента:

– Софи Лорен отдыхает.

– В 1975 году у них родилась дочь Злата, – Ильин вывел фотографию девушки, но такого восторга, как у матери, ее внешность не вызвала. – На момент исчезновения отца ей было пятнадцать. Жена Новака работала врачом. Попытался ее найти – дохлый номер.

– Ищи, Боря. Мать и дочь нам позарез нужны. Если Новак сбежал, то семья об этом знала. Наверняка он заранее позаботился о том, как с ними воссоединиться, – полковник дал знак продолжать.

– Я запросил его личное дело во всех ведомствах. Наш новичок, Никита, вчера дал понять, что Новак был задействован в различных операциях.

– Даже так? – удивился Вахрушев.

– Да. В частности, в упомянутой Дежневым встрече с американской делегацией. Новак был тщательно проинструктирован о том, что нужно спрашивать и как отвечать. Он задавал технические вопросы, прощупывал почву для дальнейших проектов, короче говоря, создавал некий задел для сотрудничества.

– Ясно. Что еще?

Ильин заглянул в блокнот.

– Только что пришла информация: от нашего Управления к Новаку был приставлен куратор Малик Ижаев, кодовое имя Вавилон.

– То есть Новак работал на военную разведку? – Дудкин присвистнул.

– Напрямую не подтверждают, но у меня создалось такое впечатление.

– Уточню у шефа, – быстро проговорил Вахрушев.

– Может, Новак не сбежал? – выдал очередную теорию Ильин. – Может, его отправили в Штаты нелегалом или намерено сделали перебежчиком? Сидит сейчас где-нибудь в подполье и шлет донесения.

– Мы можем связаться с Вавилоном? – спросил его Вахрушев.

– Я сделал запрос, пока тишина.

– Если Новак работал на военную разведку, побег исключен, – сделал вывод Пахотин, и все закивали.

– Все равно не понимаю, нас должны были оповестить, – возмутился Дудкин.

* * *

Ровно в девять утра перед зданием штаба остановился «мерседес», водитель помог пожилому мужчине выбраться из салона и всучил ему в руку трость. Старик что-то спросил, водитель с раздражением ответил, громко добавив:

– Ты уже это три раза спрашивал. Неужели не помнишь?

Вахрушев наблюдал за свидетелем через окно и подумал, что для этого допроса ему придется набраться вагоном терпения.

Шаркающей походкой Вениамин Витальевич Северцев прошел на КПП, где возник первый инцидент. Старик наотрез отказался сдавать личные вещи, мотивируя тем, что в его сумке целый арсенал таблеток, которые могут ему пригодиться в любой момент. Затем вцепился в трость с пирамидальной опорой и заявил, что шагу без нее не сделает. После длительных уговоров, сошлись на том, что трость останется на КПП, а таблетки в отдельном целлофановом мешке он может взять с собой.

Юрасов уже стоял наготове и, как только свидетель скрылся в штабе, двинулся к шкафчику, куда только что положили телефон конструктора.

Опираясь на руку сопровождающего его мужчины, Северцев вошел в комнату для допросов. Водитель сел рядом и не собирался покидать помещение. Вахрушев вошел следом, поздоровался и представился.

– А вы кто будете?

– Сын, Алексей, – быстро отозвался худощавый мужчина и пояснил: – У папы проблемы с краткосрочной памятью, он под постоянным присмотром сиделки. Я не могу его оставить. Я подписал все бумаги, что дали ваши люди, так что...

– Если вы хотите поговорить о программе «Аркан», то он все знает, – подал голос старший Северцев. – Леша работал со мной в ОКБ ИКИ.

Второго Северцева в списках не было, и полковник нахмурился. Опережая его вопрос, Алексей сам пояснил:

– Тогда у меня была другая фамилия – Васильев.

Васильев был среди тех девяти, что не имели допуск к секретной информации.

– Бурная молодость, – философски изрек конструктор. – Внебрачный сын. У Леша была фамилия матери. Он сменил ее только в... – повернувшись к сыну, он спросил: – Когда?

– Порядок, – прервал его полковник, не дожидаясь ответа на вопрос, – можете остаться.

Вахрушев ввел в курс ситуации об утечке программы и упомянул, что беседует со свидетелями тех событий.

– С кем уже удалось поговорить?

Полковник сделал вид, что не расслышал вопрос.

– Итак, приступим. Расскажите мне о...

– Э-э-э, – затянул Алексей и прервал его на полуслове. – Видите ли, папа не сможет отвечать на вопросы. Он либо говорит сам, что помнит, либо вообще не говорит. И еще... я вас заранее предупреждаю, что его показания из-за диагноза вы не сможете официально использовать. Астенический синдром ухудшает память.

– Я отлично помню те события, – заупрямился отец и зыркнул на сына. – Я не помню, что сегодня ел на завтрак, но помню, что было тридцать лет назад.

– Правда? В каком году я родился? – сын с вызовом посмотрел на отца.

Северцев замямлил, сын кивнул и повернулся к полковнику.

– Видите?

– Но я это и тридцать лет назад не знал! Твоя мать из-за этого злилась. Я всегда забывал про твой день рождения. Это она тебе всегда подарки покупала.

– Ясно, – Вахрушев скривился, но делать нечего, хотя такой подход сулил потерю времени, ему нужны были воспоминания ведущего конструктора КБ, пусть даже обрывочные. – Расскажите, что помните.

– Я помню все! – возмущенно выдал Северцев и прикусил губу. – М-м-м... помню, как получил назначение, и мы с женой решили, что я поеду один. У нас только родилась вторая дочь, и Катюша еще кормила грудью. Поэтому я отчалил из Мурманска в гордом одиночестве. Помню, как сейчас, была ночь...

Сын кашлянул и многозначительно посмотрел на отца.

– Ну да... не совсем один, – он виновато посмотрел на полковника и начал оправдываться: – Видите ли, я напрочь лишен бытовой коммуникации. Катюша ехать отказалась, а я один никак не могу, понимаете? – Полковник молчал, и тот натужно пояснил: – Взял с собой внебрачного сына и его мать.

– Потому что не мог посуду помыть и борщ сварить? Поэтому ты взял нас с собой? А мать знала? – вспыхнул Алексей. – Черт! И я с тобой вожусь!

Конструктор с опаской вжался в кресло. Вахрушев жестом дал понять, чтобы сын не мешал, тот отсел от отца на приличное расстояние и обиженно отвернулся.

– Продолжайте, – мягко подтолкнул свидетеля полковник. – Приехали вы в Бишкек, что дальше?

– Когда говорят Бишкек, моя память отключается. Ненавижу это название. Кому в голову взбрело переименовывать город? Для меня он навсегда останется Фрунзе. Мы даже никогда не связывали его с фамилией красноармейца, в честь которого его назвали, просто этот набор букв поразительно отражал сущность города. Фрунзе, – он мечтательно закатил глаза к потолку. – Когда мы подлетали к аэропорту, я поразился обилию зелени. Город утопал в деревьях. А горы! Какие необыкновенные там были горы. Три яруса. Первый – зеленый, иногда даже рябой, если межсезонье. Второй – серо-коричневый с белыми прожилками, а третий – зимой и летом усыпан снегом. Невероятно величественная картина.

Он тяжело вздохнул и уставился на стену. Прошла минута, полковник хотел подстегнуть свидетеля, но Алексей предупреждающе покачал головой. Внезапно Северцев очнулся и деловито спросил:

– Что вас интересует? Спрашивайте! – глаза его горели, будто он погрузился в события тех дней и чувствовал себя намного уверенней.

Вахрушев вспомнил молодого Северцева, запечатленного кинокамерой и представил его в лаборатории. Талантливый ученый в окружении коллег. Все полны надежд и амбиций.

– Программа «Аркан», в частности, модульный дешифратор. От кого могла пойти утечка?

– Космос... мы со звездами дружили дальними... – Северцев вытянул губы, какое-то время смотрел в пустоту, потом заговорил ясно и осознанно, чем удивил не только полковника, но и сына: – Космос – это не отдельное направление в науке, и не самостоятельная отрасль, как скажем, машиностроение или металлургия. *Исследование космоса – симбиоз всех производств и наук.* Специфика эксплуатации диктовала свои требования. Перед нами была поставлена задача: разрабатывать малогабаритные приборы с небольшой массой, которые потребляют минимум энергии. Первыми моими разработками были радиометры космических излучений для спутников «Р-2» и «Р-2М». Наш институт первыми внедрил интегральные микросхемы, микропроцессорные комплекты, микроэлектронику и лазерную технику. Наверное, поэтому нам доверили программу «Аркан». Карел тоже приложил к этому руку, его заслуг никто не принижает, но основной фактор – кадры и техническое оснащение лабораторий. У нас были идеи и возможности.

– Кто занимался разработкой модульного дешифратора?

– Все. Понемногу. Если вы беспокоитесь о том, что его чертежи попадут на черный рынок, то зря, там нет ничего уникального. На тот момент было, но не сейчас. Это же не программное обеспечение, которое можно вскрыть или, как сейчас модно говорить, хакнуть. Поскольку это механизм, а точнее микросхема, ее невозможно повредить удаленно. Так что нет там ничего ценного.

– Как это? – вмешался Алексей. – А криптомодуль?

Конструктор оторопело воззрился на сына и растеряно произнес:

– Ах да... криптомодуль. Тогда это проблема, – он повернулся к полковнику и в приказном тоне выдал: – Вы немедленно должны найти злоумышленника и вернуть украденную разработку!

– Алгоритм шифрования криптомодуля широко применяется в системе обороны страны, – пояснил Алексей.

– Откуда вам это известно? – Вахрушев прожег его пытливым взглядом.

– Я ведущий инженер оборонного КБ, – Алексей протянул удостоверение.

Вахрушев сфотографировал его на телефон, отправил коллегам на проверку и вернул владельцу.

– Порядок. Давайте вернемся к утечке. От кого она могла произойти?

– Утечка не могла произойти в принципе, не было такой возможности. Вы же поймите, это не флешку в компьютер вставить. Нужно было такой объем информации вынести, несколько десятков контейнеров. Повторюсь, даже если бы кто-то это сделал, то никогда бы не смог этим воспользоваться.

– Почему?

– Система безопасности программы была продумана так, что ключевые детали, которые должны были закончить цикл разработки, планировались нами на последней стадии. Требовалось финансирование, которое нам выделяли частями, а в последние месяцы перед исчезновением Новака нас все чаще стали подгонять и требовать результат. Во-первых, мы были от него еще далеки, во-вторых, проектирование и изготовление ключевых деталей должно было производиться не в стенах ОКБ ИКИ, а в специальной лаборатории, которую строили в Казахстане.

«Опять Казахстан», – подумал Вахрушев.

– Я вам больше скажу, без Новака «Аркан» безнадежно затянулся. Мы буксовали по каждому поводу. У него было абстрактно-прогрессивное мышление. В Москве это тоже понимали. К тому же случился развал страны, который, кстати, Новак предвидел. Неудивительно, что программу свернули сразу после отзывов следователей, которые вели поиск Карела.

С задумчивым видом Вахрушев постучал пальцами по столу.

– Давайте предположим, чисто гипотетически, что Новак сбежал...

– Он никогда бы не сбежал! Не того пошиба человек.

– И все же, я говорю чисто гипотетически. Смог бы Новак сам закончить программу при должном финансировании?

Северцев тяжело вздохнул.

– Дежнев не раз докладывал своему начальству, что Карел сбежал в Штаты. Пф-ф-ф! Нонсенс! Он обожал свою жену и дочь. Никогда бы их не бросил.

– Помните Беленко? – полковник обвел взглядом отца и сына. – Летчик-перебежчик, угнавший в Японию МиГ-25П. Он тоже до побега твердил, что любит жену и ребенка.

– Ради чего? – вскипел Северцев. – У Новака была не одна возможность сбежать: конференция в Париже, он также был в составе делегации на Кубе. Был и на этнической родине в Чехии. СССР был его домом. К тому же тогда еще были живы его родители.

По лицу полковника он понял, что его не убедили вышеперечисленные аргументы, и поднял руки, показывая, что сдается.

– Чисто гипотетически это возможно, практически – нет.

Вахрушев повернулся к младшему Северцеву.

– Вы тоже так считаете?

– Если бы Новак взялся за доработку криптомодуля, то сделал это совершенно иначе. Мы в корне с ним расходились в этом вопросе. Нам нужно взглянуть на чертежи, чтобы понять, наша ли это разработка.

Вахрушев отослал сообщение Пахотину с просьбой принести чертежи. После проверки Северцевы откинулись на спинки кресел и в два голоса заявили:

– Это наша разработка.

– Вы дружили с Новаком? – спросил полковник у Вениамина Витальевича.

– Да. Коллектив у нас был очень сплоченный. Бывало какие-то посиделки начинались на работе, а потом плавно перетекали в чей-то дом. Мы знали друг о друге почти все, ну разве что фантазиями не делились, да и то, если они были о космосе, могла разгореться нешуточная дискуссия.

– Вы знали его семью?

– Конечно! Наши жены работали в одной больнице. Что не говорил мне Карел, всплывало в женских беседах.

– При каких обстоятельствах пропал Новак?

Северцев театрально протонал, показывая, как ему больно вспоминать день исчезновения коллеги, и с неохотой поведал:

– Это было в канун 1991 года. Тогда мы базировались на окраине города. Было принято решение тридцатого числа не ехать в лабораторию, а присоединиться к остальному коллективу ОКБ ИКИ. Женщины суетились, нарезали салаты, а мы, мужчины, уже опрокинули парочку стопок и говорили о чем угодно, только не о работе. Сели за стол, а Новака нет. Все стали его искать – как без Карела за стол садиться? Он же местным заводилой был, шутником. Первый тост всегда его. Я попросил Лешу поискать Новака, – Северцев взглянул на сына так, будто обвинял его в исчезновении коллеги. – Да? Все так?

Вахрушев заметил, как побледнел Алексей. Он с укоризной взглянул на отца и включился в беседу:

– Мардарь с Новаком пошли на обед, потом по магазинам – женщины составили им список, что нужно купить для застолья, пообедали – и назад. К проходной подошли вместе, Мардарь прошел, а Новак сказал, что кажется потерял пропуск. Мардарь предположил, что, скорее всего, в пельменной. Новак кивнул и выбежал из здания.

– Больше его не видели?

– Нет. Потом нам сказали, что был звонок в секретариат и службу безопасности по поводу потери пропуска. Новак боялся, что кто-то может пройти по его пропуску, но это напрасно.

Все охранники его знали. Фото сверяли с оригиналом, даже если видели тебя двадцатый раз на дню. Дежнев за этим следил, как параноик.

– Расскажите о жене Новака. Как она держалась?

– Плохо, Любе она говорила, что предчувствовала беду, – ответил старший Северцев, протирая платком очки. – Ей снились кошмары. Она думала, что непутевая дочь куда-то вляпается, но оказалось – муж.

– Непутевая?

– Да, – усмехнулся Вениамин Витальевич, – с ней постоянно что-то происходило. Такая шустрая была, как мальчишка. Карел сетовал, что хотел сына, а родилась дочь. Но как по мне, она трех непосед-пацанов стоила. Фигаро там, Фигаро тут. Скакала по лаборатории, как теннисный мячик.

– У нее был допуск в лабораторию? – удивился Вахрушев.

Северцевы хмыкнули в унисон.

– Такая и к президенту пройдет.

– А главное, никаких записей после себя не оставит, – добавил младший Северцев. – Нас без пропуска на дух не пустили бы, хоть десять лет отработай. Набьются и орут, как глухие: «Пропуск!». А она придет, улыбнется, пощечечет с ними и проходит.

– Дежнев знал?

– Скажем так, узнавал последним. Но девчонка, если на него натыкалась, как факир, доставала из сумки временный пропуск, подписанный Султановым. Наверное, слямзила бланки и вписывала свою фамилию.

Отец и сын переглянулись и усмехнулись.

– Оторва, – резюмировал Алексей.

– Что вы можете сказать о Султанове?

– Клевый мужик был, – первым высказал свое мнение младший Северцев.

Его отец закивал.

– Азамат был очень добрым и отзывчивым человеком. Талантливый руководитель, знаковый ученый. Можно сказать, человек с большой буквы.

Вахрушев не смог скрыть своего удивления.

– Некоторые сотрудники утверждают, что он только на лаврах Новака почивал и премиальные выписывал.

Вениамин Витальевич фыркнул.

– Эти сотрудники – Дежнев? Никто кроме него так бы не сказал.

– Почему вы так думаете?

– Дежнева никто за человека не считал. Он только портил атмосферу в коллективе и своими кляузами тормозил рабочий процесс. Новака и Султанова из-за него постоянно наверх вызывали. Что они только не делали, никак не могли от него избавиться.

– Что можете сказать об остальных с допуском?

– Иванов Леня был большой души человек. Жалко, что так рано ушел. У него была ишемия сердца. Ему режим, диета и таблетки были прописаны, а он на все плюнул и жил на полную катушку. Из-за этого с женой разошелся. Правда, перед его смертью они снова сошлись. Кто там был еще?

– Тороненко, – подсказал полковник.

– Я его не знал. Леша, а ты? – отец перевел взгляд на сына.

Тот прочистил горло и сказал:

– Он дружил с Ячиным. Вроде футболом вместе увлекались.

– А Володин?

Северцевы переглянулись.

– Что? – подметил их замешательство полковник.

- Ну, знаете, захочешь и не сможешь его охарактеризовать.
- Вот как?
- Мутный был, – вставил Алексей.
- Подробнее можете сказать?
- Мне кажется он с дуриной был, – выдал старший Северцев и посмотрел на сына. – Да?
- Не кажется, а был. Он даже в психушке лежал в середине девяностых. Но к утечке он точно не причастен. Он был чем угодно увлечен, только не работой. Еще и пяти нет, а он уже зевает и на часы поглядывает. Сверхурочно никогда не работал. В выходные тем более. Если субботник – он срочно заболел. Если митинг или демонстрация – улетал в Москву.
- Он москвич?
- Нет. Вроде он самарский... – неуверенно произнес Вениамин Витальевич и взглянул на сына.
- В Москве у него был кто-то... – вид у младшего Северцева был такой, будто его поймали на чем-то противозаконном.
- Кто-то? По мне так вы знаете кто.
- Не знаю, нужно ли сейчас о таком говорить, тем более человек умер.
- Вы уже начали, так что...
- Алексей закатил глаза к потолку и нехотя выдал:
- Он был из этих... ну... голубых.
- А может, имел проблемы с потенцией...
- Вахрушев обвел Северцевых пристальным взглядом и впервые за время разговора ощутил какой-то подвох – то ли сработало чутье, то ли Северцевы намеренно его дезинформировали.
- На внешность был вполне приятным парнем, – поведал свою версию старший Северцев. – Дамочки за ним так и вились, а одна преследовала на каждом шагу. Его это очень смущало. Бледнел и потел. Без боли не взглянешь.
- Из одной поездки он привез фото красивой девушки и поставил в рамку на столе, – Алексей усмехнулся, – потом выяснилось, что это прибалтийская актриса.
- Полковник мысленно пометил себе тщательно проверить Володина и резко сменил тему:
- Где сейчас жена Новака?
- Старший Северцев дернулся, оторопело уставился на полковника.
- Не знаю.
- По реакции сына, который отвел глаза и сделал вид, что происходящее его не волнует, Вахрушев понял, что наткнулся на намеренное противостояние. Несмотря на создавшуюся ситуацию, Северцевы защищали вдову Новака.
- Нам необходимо поговорить с вдовой и дочерью Новака.
- После переезда мы не общались.
- Отец перевел на сына полный мольбы взгляд, но тот нахмурился и отвернулся. Тогда старший Северцев пошел ва-банк:
- Леша, ты должен знать хоть что-то о Злате.
- Откуда? – возмутился сын.
- Ты же общаешься в этих... социальных сетях, ее там нет?
- Алексей сощурился и оставил вопрос отца без ответа.
- Когда вы последний раз общались с вдовой и дочерью Новака? – спросил полковник у младшего Северцева.
- После аварии мы уехали из Киргизии и больше их не видели.
- Какой аварии? – Вахрушев изобразил удивление.
- Родители попали в аварию в Казахстане в 1992 году, – пояснил Алексей. – Папа почти год пролежал в больнице в Москве.

При упоминании Казахстана Вахрушев нахмурился.

– При каких обстоятельствах произошла авария?

– Папа не помнит. После этого у него начались проблемы со здоровьем.

– Ничего не помню о том дне, – замогильным голосом изрек Северцев.

– А мама помнит? – спросил Вахрушев у Алексея.

Тот заерзал и натянуто выдал:

– Она погибла в той аварии...

– Примите мои соболезнования, – участливо отозвался полковник и после минутной паузы спросил у старшего Северцева: – А что вы делали в Казахстане?

– Я был на запуске. С первой площадки Байконура стартовал спутник «Союз». На борту было наше оборудование. Это я точно помню, а вот что было после, не помню.

Основной вопрос Вахрушев оставил напоследок. Уж больно заинтриговал его таинственный куратор.

– Что вы скажете о Малике Ижаеве? Вы с ним контактировали?

– С кем? – не понял Вениамин Витальевич.

– Коричневый костюм, – пояснил Алексей.

– Ах, этот! – всплеснул руками конструктор. – Жуткий тип.

– Да, он нагонял на нас страху, особенно после исчезновения Новака.

– Расскажите о нем.

– Да мы о нем ничего не знаем. Видели несколько раз, и то мельком. Мы между собой его Brown Man называли. Всегда в одном и том же костюме ходил.

– Мы с ним общались, только когда делегация из штатов приезжала, – признался Алексей. – Помню, что в разговоре всплыло, что он детдомовский.

– Больше ничего не помните?

– Нет, извините, мы бы рады помочь, но добавить нечего.

– Порядок. Пока на этом все, но не исключено, что возникнут еще вопросы, поэтому держите меня в курсе своих перемещений.

* * *

США, штат Виргиния, г. Ричмонд

Группа наблюдения рассредоточилась в трех пунктах, откуда был виден небольшой склад, отмеченный в оперативных сводках как предполагаемый схрон хакера. К складу вела единственная дорога, по которой сейчас ехал подозреваемый, а за ним метров в пятидесяти на малой скорости плелся неприметный и потрепанный жизнью темно-коричневый «форд». Сидевшая в нем парочка изображала любовников, ищущих место для уединения.

– Проехали Мори-стрит, сворачиваем под мостом на Брандер-стрит, – доложила Камила и поправила распушившиеся волосы. – Предполагаемая цель едет к водоочистительной станции.

– Это пятый за последний час, – добавил ее напарник. – Если опять порожняк, сделаем круг и вернемся на позицию.

– Вижу вас, – доложил с быстроходного катера Ворон и предостерег коллег, – не напирайте на него.

Водитель «ниссана» остановился перед поворотом, подождал, когда проедет парочка на «форде», и свернул к резервуарам водоочистительной станции. Припарковался в отдалении и стал наблюдать. Убедившись, что за ним нет «хвоста», оставил машину у административного здания, достал из рюкзака бейсболку, очки и, оглядываясь, двинулся между резервуарами.

– Огибает территорию станции и идет к складу, – подал голос Бумеранг, глядя на цель в монокуляр винтовки.

– Не вижу Крикуна и Камилу, – вклинился Дед. За операцией он следил из припаркованного у карьера минивэна, в двухстах метрах от точки перехвата.

– Мы за деревьями, – отозвался Крикун.

– Как войдет, сработает датчик, мы получим видеосигнал. Ворон, причаливай и огибай территорию.

Объект наблюдения прошел через лесополосу, подошел к складу и замер. Он явно занервничал, стал озираться. В итоге прошел мимо и ускорил шаг.

Бумеранг доложил:

– Что-то учуял. Идет к карьере.

– Спокойно. Не дергайтесь. Возможно, мы нарушили его метки. Бумеранг, дай знать, когда потеряешь его из вида.

Парень в бейсболке нырнул в крытый ангар, с которого хорошо просматривалась вся территория, и сел на деревянный ящик.

– Я его потерял, – доложил Бумеранг. – На смену позиции уйдет пара минут.

– Ворон, ты где?

– Иду по тропинке через лес.

– Камила, Крикун, прикройте отход с юга.

В минивэне на экране ноута отразилась активность, Буш проверил догадку и доложил:

– Он прощупывает технику удаленно. Так что мы не сможем его привязать к точке выхода на связь.

– Черт! – взревел Дед. – Ушлый какой!

– Что будем делать, шеф? – поинтересовался Ворон. – Я уже у карьера.

– Будем брать, выхода нет.

– Может, понаблюдаем? – предложила Камила.

– А если уйдет? Нет. Берем, как только будете в досягаемости.

Через минуту все участники группы доложили о готовности. Дед взглянул на Буша.

– Ну? Что скажешь?

– А он крут!

– Конкретней! Дай мне хоть что-то!

Буш стучал по клавиатуре и напряженно всматривался в мелькающие на мониторе коды.

– Он на сайте. Изучает нашу приманку.

– Ждем, рыбка на крючке, – оповестил Дед агентов.

– Отвечает, – подал голос Буш через минуту. – Вышел.

– Берем его! – крикнул Дед и выскочил из минивэна.

Заметив движение с трех сторон, хакер сунул ноутбук в рюкзак, метнулся в угол, откинул наваленные ящики, сорвал чехол защитного цвета и оседлал мотоцикл. Мотор взревел. Не успела группа приблизиться, как он прорвался сквозь лесополосу и выехал на трассу.

– Он на Питерсберг Тернпайк. Двигается к железнодорожным путям.

– Бумеранг! Ты можешь пальнуть ему в колесо? – уточнил Дед без особой надежды.

– Нет, он юлит, как Ванька-встанька.

– Отбой! Все ко мне!

Когда группа собралась у минивэна, Дед раздал инструкции:

– Ворон, подключай наш контакт в полиции. Пусть пробыет по номерам машину и мотик.

– Лады, – Ворон взял у Буша номера.

– По оперативной информации мы ожидали тюфяка-студента. Выходит, просчитались.

Пацан уходит, как профи.

Ворон отошел в сторону и позвонил своему контакту, продиктовал номера транспортных средств, попросил пробить владельца и дать адрес.

– Информация будет через час, – заверил он, возвращаясь к группе.

– Что он ответил на наше предложение? – спросил Дед Буша.

Тот прочитал текст сообщения и присвистнул.

– Заломил лям баксов.

Группа усмеялась, один Дед выглядел мрачнее тучи. Доклад начальству будет неутешительным.

– Через час получим адрес, а пока Буш займется его следом в сети и друзьями хакерами. Крикун с Камилой возьмут на себя семью и социальные контакты. Я займусь его финансами. У нас сутки. Нужно выработать тактику, нащупать слабые места.

– Постойте! – вмешался Буш, глядя на монитор. – Его мобильник движется по автобану, но только что появился второй сигнал.

Он вскочил и огляделся. Показал в сторону лесополосы.

– Оттуда!

– Ворон, Крикун, прочешите все!

Через пять минут послышался доклад Ворона:

– Нашли! Это рюкзак!

– Здесь еще ноут! – добавил Крикун.

– Тащи сюда! – Дед повернулся к Бушу. – Выжми все из этого ноута!

* * *

Россия, г. Москва

Ближе к полудню Пахотин привез в штаб Мардаря Павла Анатольевича, которого полковник сразу не признал, настолько изменилась его внешность. Холеный и презентабельный вид говорил о том, что ему повезло больше чем бывшим коллегам по космическому цеху. Вахрушев выглянул в окно и увидел, как нервно топчутся перед зданием секьюрити Мардаря. Служба безопасности штаба не пропустила их на КПП.

– Где ты его отыскал? – спросил Вахрушев зама.

– В аэропорту. Еле выловил. Ни в какую не хотел ехать. Вырвался и побежал в зону досмотра. Пока оформил разрешение, он уже на борт пробрался. Пришлось с самолета снимать. Так что свидетель взвинчен, лучше тебе с ним самому поговорить. Кстати, он сделал три пластические операции и больше не занимается наукой. Теперь он руководитель, как он выразился, маленького заводика по выпуску ювелирки в Тушино.

– Вот как? – усмеялся полковник и взглянул на часы. – Я жду Авилова. Мне он больше интересен.

– Поговори с Заводиком, – съехидничал Пахотин. – Как только Авилов нарисует, я тебе маякну. Да, к сведению, папик у Заводика – бывший замминистра обороны.

Вахрушев присвистнул, теперь он понял, почему заместитель так усердно скидывал на него свидетеля.

В конференц-зал заглянул Ильин и без предисловий возбужденно доложил:

– Вера Новак эмигрировала в США в 1993 году!

– А дочь? – полковник осел.

– Я списался с одной из ее одноклассниц, она сказала, что Злата сразу после школы вышла замуж за иностранца и уехала за границу.

Вахрушев округлил глаза.

– Каким образом жена и дочь Новака могли беспрепятственно уехать из Киргизии? В какую страну уехала дочь, тоже в Штаты?

– Она не знает, но дала имена, с кем девушка дружила, может, они знают больше. 31 августа 1991 года Киргизия провозгласила о своей независимости. Дочь Новака пошла в школу

с шести лет, я подсчитал, закончила она в июне 1992-го. А, значит, легко могла уйти от российских спецслужб.

– Ищи! Мне нужны обе! Если Новак свалил за кордон, сейчас непременно рядом с семьей, – Вахрушев прихватил кружку кофе из кухни и прошел в допросную.

Мардарь от нетерпения ерзал на стуле. Руки машинально искали телефон, но вспоминая, где он его оставил, Павел Анатольевич приходил в еще большее смятение. Вахрушев оценил свидетеля. Мардарь был явным любителем потягать железо. Щеголеватый костюм тянул на пару-тройку тысяч евро, а часы и перстень он даже не осмелился оценивать.

– Итак, Павел Анатольевич, вы знаете, зачем мы здесь.

– Мне сказали, но я совершенно не понимаю, чем я могу вам помочь? Я не занимаюсь больше наукой, тем более не имею дело с оборонкой. Вся та история с Новаком для меня поросла толстым слоем плесени. Мне срочно нужно вылететь в Милан, я опаздываю на деловую встречу.

– Могу с уверенностью сказать, что ни в какой Милан вы не полетите, по крайней мере, сегодня.

– Безобразие! Кто вы такой? Что себе позволяете? От вашего самоуправства пострадает мой бизнес!

Вахрушев представился по форме и протянул приказ с полномочиями. Увидев, кто подписал приказ, Мардарь мгновенно остыл и подобрался.

– Я готов сказать все, что знаю, только умоляю вас, давайте покончим с этим как можно быстрее.

– Начнем с самого начала. Как вы попали в группу разработчиков программы «Аркан»? Мардарь сложил пальцы в замок и насупил.

– Мой отец был знаком с Новаком еще со студенческих лет. Они вместе учились в Рязанском радиотехническом институте. После окончания Новак с женой уехали в Киргизию, а отец начал карьеру в Москве по линии обороны. Когда Новаку поручили программу «Аркан», отец попросил его взять меня в группу разработчиков. Он считал это неплохим стартом в карьере.

По виду свидетеля полковник понял, что тот был не в восторге от решения отца, и спросил:

– А сами вы не хотели там работать?

– Тогда я был в штате Академии наук и занимался исследованием космической плазмы и солнечно-земных связей. Ничего против «Аркана», и тем более Новака, я не имел, но ехать в Киргизию мне не улыбалось. Я был столичным парнем. Устоявшийся круг друзей и коллег. Мой отец очень авторитарен. Его решения не оспариваются, тем более мной, – он хмыкнул, – непутевым сыном. Папа считает, что если я не бегаю с автоматом наперерез во благо страны, то напрасно топчу землю.

– Почему вам дали доступ высшего уровня? Из личного дела я понял, что вы были самым молодым конструктором.

– Как намекнул мне Дежнев, остальные не прошли проверку.

– А младший Северцев почему не прошел?

– Бастард.

Полковник встал, прошелся вдоль одностороннего зеркала и спросил:

– С коллективом вы ладили?

– Я был среди них чужаком. Когда заходил в лабораторию, все замолкали, будто видели прокаженного. Каждый месяц я просил маму повлиять на отца, но даже она не бралась за такое гиблое дело. В Москву мне разрешалось приезжать по праздникам, да и то, под натиском мамы.

Вспомнив, что Новак пропал в канун Нового года, Вахрушев спросил:

– Почему же вы оказались тридцатого декабря 1990 года в ОКБ ИКИ?

– Потому что плохо себя чувствовал, был на грани ангины и родители решили отпраздновать у меня.

– Вы один в семье?

– Угу.

Глядя на Мардаря, эдакого вечного ребенка, Вахрушев живо представил, как здоровый детина жалуется маме на недомогание, а та запрещает ему садиться в самолет и тащит мужа в аэропорт, чтобы срочно вылететь к сыночку – не оставлять же его на праздники в одиночестве.

– Вы женаты?

– Разведен.

Такому ответу полковник не удивился.

– Расскажите мне про тридцатое декабря.

Мардарь тяжело вздохнул и опустил глаза.

– Самый трагический день моей жизни, – признался свидетель и потер шею. – Я столько раз рассказывал о тех событиях, что до старости буду помнить происходящее по минутам.

– Меня интересуют события с того момента, как Новак предложил вам пойти на обед.

Мардарь кивнул.

– В тот день все было странным. Обычно жена Новака передавала ему еду через водителя. Он закрывался в кабинете и обедал. День был предпраздничным, наверное, поэтому она не передала ему обед, знала, что мы поедем к коллегам в КБ. Но его просьба все равно меня удивила. Столы ломятся от еды, а он на обед собрался. Никогда до этого момента он меня на обед не звал. Тогда я, конечно, был польщен, но потом горько пожалел, что согласился. Мы вышли из здания, он предложил мне пойти в пельменную. Мы ее так называли, на самом деле там подавали довольно приличные манты из баранины. Мы пообедали...

– За обедом ничего странного не заметили?

– Нет, – свидетель пожал плечами, – все как обычно. Правда, Новак бумажник забыл, но я сказал ему, чтобы не беспокоился, мол, сам заплачу, потом отдадите. Поели и пошли в...

– К вам кто-нибудь подходил в пельменной?

– Нет... – Мардарь покачал головой, – только персонал. Стол уборщица вытерла. Потом Новак попросил уксуса, и парень какой-то вышел из кухни и поставил бутылку на стол. Правда, был еще один инцидент на выходе...

– Какой? – оживился Вахрушев.

– Новак так резво из пельменной выбежал, что поскользнулся и чуть под машину не попал. Шапка ондатровая с него слетела.

– Какой марки была машина?

– Черная «Волга».

– А кто в машине был?

– Кавказцы какие-то. Водитель и пассажир. Обоим лет по тридцать.

– Так и что дальше?

– Водитель посигналил, а Новак поднял шапку и еще резвее к институту побежал, будто на пожар. Там, на дороге, видимо, он и обронил пропуск, а кто-то его нашел и воспользовался.

– Знакомых не видели в пельменной? Может, мимо проходили?

– Нет. Я бы запомнил, но никого. Наши все к празднику готовились.

– Зашли в институт, что потом?

– Новак обнаружил, что пропуск пропал. Я прошел, начал подниматься по лестнице и встретил сотрудницу, которая просила кое-какие продукты купить. Мы с Новаком заболтались и забыли. Я стремглав побежал обратно. А когда купил, на обратной дороге встретил родителей, они шли за мной в институт. Мама переживала за мое горло, с утра у меня была температура, но потом вроде спала. Я отдал продукты на проходной Лехе Северцеву и ушел с родителями.

– А Северцевых вы в тот день где и когда видели?

– Когда уходили с Новаком на обед, оба были в институте. А когда я вернулся с продуктами, на проходной стоял только Леха. Он вроде Новака ждал, но того Дежнев начал распекать за утерю пропуска, и Леха уже хотел слинять, но я всучил ему авоську.

– Вы сказали, что в тот день все было странным. А что еще?

Мардарь зачесал волосы назад и усмехнулся.

– Люди какие-то все были возбужденные. Сверх нормы. Как чувствовали беду. Две женщины в лаборатории повздорили, да так сильно, что до драки дошло. Потом, правда, помирились, даже выпили вместе. Но после того дня больше не общались. Дежнев был как деспот. Орал на всех с самого утра, будто вожжа под хвост попала. Короче, в воздухе витало что-то... трагическое...

– Порядок, – Вахрушев размял пальцы и посмотрел на часы. Ему не хотелось пропустить допрос Авилова. – В каком году вы уехали из Киргизии?

– Да как следователей отозвали в Москву, я собрал вещички и рванул.

* * *

В сопровождении двух инженеров из группы Шапошникова Дудкин вошел в Институт космических исследований при Академии наук. В вестибюле их встретил сотрудник отдела спутникового мониторинга Зорин и проводил в кабинет начальника. Навстречу группе вышел коренастый мужчина лет шестидесяти, протянул Дудкину руку и представился:

– Добрый день. Кадышев Владимир Петрович. Добро пожаловать. Чем могу быть полезен?

Дудкин представился, показал удостоверение и объяснил:

– Нас интересует проектная документация программы «Аркан», переданная вам в 1991 году ОКБ ИКИ Киргизии.

Начотдела растерянно посмотрел на Зорина.

– Позови кого-нибудь из старой гвардии.

– На месте только Жидкова.

– Веди Жидкову, – начотдела повернулся к аналитикам и, смущаясь, пояснил: – Понимаете, я на этой должности всего пять лет. Ни о каком «Аркане» не слышал.

Вынужденную задержку Кадышев пытался скрасить беседой на общие темы. Не встретив понимания, принялся рассказывать о текущих проектах и достижениях.

Зорин вернулся с приземистой пожилой женщиной в темном юбочном костюме.

– Дорогая Людмила Павловна, проходите, – оживился Кадышев и проводил сотрудницу к столу, – присаживайтесь. Вот господа из органов интересуются программой «Аркан». Вы что-нибудь о ней знаете?

– «Аркан»? – женщина растеряно оглядела всех присутствующих. – Так ее же давным-давно закрыли.

– Нам нужна проектная документация, которую вам передали из Фрунзенского ОКБ ИКИ, – повторил свою просьбу Дудкин.

– Голубчик, так она не у меня. Все в архиве, наверное. Но архив долго не отапливался, уж не знаю, сохранилось ли вообще что-то...

– Бедственное положение архива. Куда только не писали, – принялся объяснять Кадышев.

– Проводите нас в архив.

Кадышев посмотрел на Зорина.

– Дай что нужно, я буду у себя, – начотдела проводил аналитиков до вестибюля и нервно переминался с ноги на ногу, пока вся процессия не скрылась за дверью лифта. Побежал назад в кабинет и позвонил президенту Академии.

В архиве объяснили, что большая часть документов за 1991 год уже оцифрована и задержек с доступом не должно быть. Зорин и светловолосый работник архива лет двадцати пяти принесли несколько папок. Первым документом оказался акт приема-передачи. Со стороны ОКБ ИКИ документ подписали Володин и Иванов, а со стороны ИКИ РАН три подписи, в том числе Жидковой.

Дудкин попросил архивариуса предоставить все копии чертежей.

– Как проходила процедура приема-передачи? – спросил он Жидкову. – Конструкторы как-то комментировали ситуацию?

– Уф, – вздохнула старушка и плюхнулась на стул. – Настроение было у всех подавленное. Никто не понимал, что будет дальше. Страна катилась в нищету. Ученых сокращали, приходилось торговать на рынках, чтобы выжить и прокормить детей. Страшное было время. Все понимали, что золотая эра исследования космоса закончена. Такого темпа в развитии и результатов уже не будет.

– В последние пятнадцать лет ситуация заметно улучшилась, – поправил ее Зорин.

– Мы до сих пор не вышли на прежнее финансирование. Разве что военное направление. А наука... – она махнула рукой и отвернулась.

– Из Фрунзе приехали только Володин и Иванов?

– Нет, их было больше. Имен не знаю, но они не были похожи на ученых, скорее из вашего учреждения.

– К программе кто-то проявлял интерес?

– Не знаю, – повела плечами Жидкова и задумалась. – Может, архивариус в курсе. В научной среде программой точно никто не занимался.

– Вы знали Карела Новака?

– Конечно! – встрепенулась Жидкова. Сначала улыбнулась, но потом помрачнела. – Какое несчастье. Его ведь так и не нашли. У нас работали две женщины из Фрунзе, они держали связь с его женой, пока она не иммигрировала.

– А сейчас они работают?

– Нет. Уволились еще до миллениума. Кажется, в 1993-м. Тогда было самое большое сокращение. Увольняли целыми отделами.

Принесли стопку чертежей. Дудкин прочитал на бейджике архивариуса «Быков Денис» и спросил:

– Денис, вы давно здесь работаете?

– Год, – тут же отозвался Быков и побледнел.

– За это время кто-нибудь интересовался программой «Аркан»?

– Да, кажется, Минобороны.

– Когда?

Архивариус задумался.

– Месяца три назад. Приходил один дядечка.

– Что конкретно искал?

– Снял копию всего что было, – пожал парнишка плечами.

– Есть его данные?

Быков метнулся в свой кабинет, с минуту искал и вернулся с визиткой.

– Он по описи забирал несколько оригиналов, но через месяц вернул через курьера.

На визитке Дудкин прочитал: «Гаврилов Артем Вадимович. Орбитальная спутниковая группировка».

Эксперты с группы Шапошникова проверили документацию и обнаружили, что нет чертежей дешифратора.

– В общей переписи документов указаны четыре чертежа: разрезы трех узлов и вид сверху в масштабе 1:20. Но самих чертежей нет.

Архивариус покраснел и нервно затараторил:

– Я снял копии всего что было. Значит, этот чертеж был утерян еще до оцифровки документов. На перепись я не обратил внимание. Это не первый раз, когда документы пропадают. Чудо, что вообще что-то выжило. Архив дважды топило.

– Да, – поддержала его Жидкова и тяжело вздохнула, – так прискорбно. Никому не нужны научные труды целой эпохи, а ведь там кладезь идей и достижений.

* * *

В штабной комнате для допроса Вахрушев все еще беседовал с Мардарем.

– Вы занимались разработкой модульного дешифратора?

– Только на начальной стадии, – с неохотой подтвердил Павел Анатольевич. – Потом меня перебросили на другой фронт работы. Дешифрованием занимались Новак и Северцевы.

– Оба? Сын тоже?

– Да. Больше сын.

– Он же не имел доступа к секретным данным.

– Дешифратор был его разработкой, и он не был на тот момент секретным. Это потом, когда Витамин Витаминovich доработал криптомодуль, разработкой заинтересовались оборонщики, но это уже в Москве.

– Витамин Витаминovich?

– Так мы называли Северцева-отца.

– Мне сказали, что он попал в аварию и по состоянию здоровья уже не работал.

– Так и есть, официально криптомодуль доработал Леха, но не без участия отца. Один бы он не потянул. У Витамин Витаминovichа заскок с памятью, но что касается работы, тут мозг не пострадал.

«Какая-то странная у Северцева амнезия», – подумал полковник и решил, что первым делом поручит кому-нибудь проверить медицинскую историю конструктора.

– Расскажите вкратце о коллегах, имеющих доступ к засекреченной части программы.

– Уф-ф, – выдохнул Мардарь, отер платком пот на лице и уставился в одну точку. – Общим руководством занимался Азамат Султанов. Отец считал его хлюпиком, мы почти не общались. Новак, – свидетель надул губы и со значением закивал, – у того были яйца. Вроде такой, знаете, вежливый, а в то же время как ответит, переспрашивать не хочется. Отец как-то проговорился, что за Новаком стоял большой человек.

– Да? Кто же?

– Не знаю. Он не сказал. Но это было логично. Без поддержки сверху на такой должности не продержишься. Как по мне, у Новака была мощная защита, и это был не один человек. После его исчезновения все попрытали головы, знаете, как у нас это бывает.

– А какие ходили слухи? Наверняка сотрудники выдвигали свои версии.

– Версий было полно, – хмыкнул Павел Анатольевич. – Но чем дольше отсутствовал Новак, тем сильнее крепло чувство, что его нет в живых.

– Вот как? Почему?

– Надо было его знать, что б так думать. Мы знали... Хороший был мужик. Надежный. Такой бы не предал.

– Именно такой бы ореол создавал вокруг себя изменник Родины: надежный, преданный семьянин, погруженный в работу научный деятель.

– Вы правы, – нехотя согласился Мардарь и сник.

– Порядок. С этим разобрались. Что скажете о его семье?

Свидетель оживился, жеманно повел плечами и просиял.

– Жена у него была красоткой. Глаз не оторвать. И горячкой. Я любил за ней наблюдать. Прекрасно готовила. Была гостеприимна, но придерживалась режима. В десять часов все идут в кровать. В шесть утра подъем. Я не прочь был с ней замутить... – Мардарь облизал губы, – не смотря на разницу в возрасте. Я даже к ней подкатывал перед отъездом. Сказал, что позабочусь о ней, чтобы ни о чем не волновалась.

– Правда? И что?

– Выгнала... – выдавил из себя Павел Анатольевич и хмыкнул, – стерва.

– А дочь?

– А что дочь? Вездесущий ребенок.

– Вездесущий?

– Крутилась у папаши под ногами. Она его обожала. Всегда стремилась произвести на него впечатление. Папья умела, знала все радиодетали наизусть. Но Новак твердил, научись лучше готовить. Дочь тяжело переживала его исчезновение. Я как-то встретил ее у Северцевых, на девчонку больно было смотреть.

Вахрушев взглянул на список.

– Остались Иванов, Володин и Тороненко.

– Тороненко – пентюх. Прихвостень Дежнева. Ходил за ним по пятам и в рот заглядывал. Ну, хоть кляуз не писал – и то хорошо. Иванов уже умер. Сердечник. Компанейский был мужик. Любитель выпить, а ему нельзя было. Приговаривал все: лучше прожить один день на ногах, чем десять на коленях. Женщины его любили. Не так, конечно, как Новака, но поклонницы были, даже молоденькие. Володин... – свидетель скривился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.